Де-Роберти.

Петръ Крапоткинъ.

(Личность и доктрина.)

Перев. К. Ж.

Цѣна 10 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЯКОРЬ"
1908 г.

Де-Роберти.

Петръ Крапоткинъ.

(Личность и докторина.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Я К О Р Ь“
1906 г.

ПРОВ. 1957

Нх
1241
2

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

1201
58

Крапоткинъ и анархизмъ.

Автобіографіи принято начинать съ болѣе или менѣе искренняго выраженія чувства скромности, и всякій, готовящійся говорить о самомъ себѣ, обыкновенно спрашиваетъ, достойно ли вниманія то, о чемъ онъ будетъ говорить. Книга, въ которой Петръ Крапоткинъ разсказываетъ исторію своей жизни, лишена этого почти обязательнаго введенія и, собственно, не нуждается въ немъ. Авторъ занимается собой весьма мало, и только, такъ сказать, въ силу необходимости, стараясь, главнымъ образомъ, изобразить соціальное и политическое положеніе Россіи до освобожденія крестьянъ и непосредственно послѣ него, описать обычаи Двора, аристократіи и сельскаго населенія, опредѣлить характеръ императора Александра II, оцѣнить вліяніе, оказанное писателями, какъ Некрасовъ и Тургеневъ, изслѣдовать происхожденіе и развитіе революціоннаго духа среди своихъ соотечественниковъ. Можно пожалѣть, что характерныя личныя замѣчанія такъ малочисленны; однако, нѣкоторыя изъ нихъ, особенно касающіяся внутренняго процесса возмущенія самого автора, все же отчасти освѣщаетъ моральную загадку, ключъ къ которой мы ищемъ.

I.

Дѣйствительно, психологіи приходится, относительно Крапоткина, разрѣшить не легкую задачу. Какимъ образомъ благородный потомокъ Рюрика и Ростислава Мстиславича Смѣлаго, великаго князя Кіевскаго, знатный баринъ, носящій гербъ княжества Смоленскаго съ шапкой Мономаха на горностаевомъ полѣ, сынъ князя Алексѣя Крапоткина, полковника и коменданта, владѣльца въ трехъ губерніяхъ тысячи двухсотъ душъ—не считая женщинъ — и обширныхъ пространствъ земли, хозяина пятидесяти слугъ въ городѣ и двадцатипяти въ деревнѣ; мальчикъ, котораго императоръ Николай I однажды поднялъ на руки и показалъ цесаревнѣ Маріи Александровнѣ, чтобы она подарила ему такого же красиваго и славнаго внука; подростокъ, воспитывавшійся въ знатномъ Пажескомъ Корпусѣ, при Дворѣ, почти на глазахъ императорской фамиліи; юноша, который защитилъ бы императора соб-

ственнымъ тѣломъ если бъ видѣлъ, что ему грозитъ рука цареубійцы, и который, дѣйствительно, бросился за нимъ, вопреки требованіямъ этикета, когда считалъ его въ опасности, за что получилъ неожиданную похвалу: „Ты здѣсь? Молодецъ!..“; какимъ образомъ усердный почитатель поэтовъ, самъ авторъ нѣсколькихъ повѣстей, любитель театральнаго искусства, настолько возгордившійся послѣ первыхъ апплодисментовъ, что нѣкоторое время мечталъ поступить на сцену; какимъ образомъ путешественникъ занятый географическими, этнографическими и нологическимъ задачами, изслѣдователь Манчжуріи, членъ и секретарь Петербургскаго географическаго общества — сдѣлался впослѣдствіи анархистомъ Бородинымъ, котораго полиція заточаетъ въ Петро-павловскую крѣпость, Левашовымъ, который высаживается въ Лондонѣ, чудеснымъ образомъ бѣжавъ изъ военнаго госпиталя, отъ штыковъ часовыхъ агитаторомъ, котораго сажаютъ въ тюрьму во Франціи, странѣ самой свободы, писателемъ, который называетъ оскорбительнымъ словомъ *аристократишки* людей, среди которыхъ родился и выросъ, и *берлогой* — дворецъ Царя, которому служилъ и котораго любилъ; авторомъ, наконецъ, *Рѣчей революціонера* и *Завоеванія хлѣба!*

Главнымъ факторомъ характера является наслѣдственность. Какія свойства передали Крапоткину родители? На первый взглядъ можно бы сказать, что отъ отца онъ не унаслѣдовалъ ничего, до такой степени онъ на него непохожъ. Князь Алексѣй былъ фанатикомъ властныхъ феодальныхъ и военныхъ традицій. Показной милитаризмъ его, какъ и большинства его товарищей, состоялъ въ страсти къ мундиру, въ презрѣніи ко всякому другому платью и въ противномъ и вмѣстѣ смѣшномъ хвастовствѣ. Когда семья его должна была куда-нибудь ѣхать, разсказываетъ сынъ, онъ диктовалъ *приказъ* и читалъ его вслухъ „Ея Сіятельству“ княгинѣ, своей второй женѣ, расписывая путь день за днемъ и часъ за часомъ: „Если же, вопреки нашему ожиданію, отъѣздъ Вашего Сіятельства не произойдетъ въ предуказанный день и часъ, то Вамъ предоставляется право поступить по Вашему усмотрѣнію, дабы путешествіе завершилось при наилучшихъ условіяхъ“... На груди его блестѣлъ крестъ за храбрость, полученный за то, что его крѣпостной Фролъ спасъ ребенка изъ пламени.

— Но, папа,—воскликнули его сыновья Петръ и Александръ,— вѣдь, мальчика спасъ же Фролъ!

Онъ наивно отвѣчалъ:

— Такъ что же? Развѣ Фролъ принадлежалъ не мнѣ? Значитъ, все равно!

Уже съ этого момента видно, что ребенокъ отвергаетъ общепринятыя вокругъ него идеи и обладаетъ критическимъ умомъ. Онъ не разсказываетъ, какія другія мысли возбуждаетъ въ немъ глупая и страшная тираннія отца, но описывая невѣроятныя проявленія ея, позволяетъ догадываться о своемъ душевномъ состояніи. Всѣ должны были преклоняться передъ главой дома, всѣ трепетали передъ нимъ. Если, сдѣлавъ разсчетъ, онъ находилъ, что на сѣновалѣ не хватаетъ сѣна, онъ способенъ былъ броситься на кучера и избить его; если, провѣривъ счетъ, обна-

руживалъ, что сѣна слишкомъ много, то тоже нападалъ на бѣднягу, почему онъ не давалъ лошадямъ назначенной порціи. Послѣ такихъ вспышекъ, онъ иногда садился за столъ, спокойно писалъ что-то, и передавалъ написанное своему довѣренному человѣку:

— Сведи Макара съ этимъ листкомъ въ участокъ и вели ему дать сто розогъ.

Но предоставимъ слово автору, сыну:

„Въ домѣ царятъ ужасъ и полная тишина. Часы бьютъ четыре, и всѣ сходятъ обѣдать. Но ни у кого нѣтъ аппетита, и супъ остается нетронутымъ въ тарелкахъ. Насъ десять человѣкъ за столомъ, и за каждымъ стоитъ скрипачъ или тромбонистъ, держа въ лѣвой рукѣ чистую тарелку, но среди нихъ нѣтъ Макара.

— „Гдѣ Макаръ?—спрашиваетъ мачеха.

— Позовите его.

„Макаръ не появляется. Приказаніе отдается снова. Онъ входитъ, наконецъ, блѣдный, разстроенный, смущенный, съ опущенными глазами. Отецъ смотритъ въ тарелку, а мачеха, видя, что никто изъ насъ не притронулся къ супу, старается заставить насъ ѣсть:

— „Дѣти, развѣ супъ не вкусенъ?

„Слезы душатъ меня и, едва конченъ обѣдъ, я бѣгу: нахожу Макара въ темномъ корридорѣ и пытаюсь поцѣловать ему руку, но онъ вырываетъ ее у меня и говоритъ (упрекъ ли это, или простой вопросъ?):

— „Оставъ, когда выростешь, развѣ самъ не будешь, какъ онъ?

— „Нѣтъ, нѣтъ, никогда!..“

Черты эти все больше заставляютъ думать, что сынъ—полная противоположность отцу. Несомнѣнно, князь Алексѣй также видѣлъ въ отцовскомъ домѣ подобныя сцены, и даже худшія, принимая во вниманіе болѣе отдаленныя и варварскія времена. Но онъ не плакалъ надъ ними, не старался поцѣловать руку наказанному слугѣ, не обѣщалъ ему быть не такимъ, какъ отецъ, будучи совершенно на него похожимъ. У насъ нѣтъ свѣдѣній относительно болѣе отдаленныхъ поколѣній; но возможно, что Крапоткины слѣдовали другъ за другомъ, похожіе одинъ на другого, одинаково приспособляясь къ внѣшнимъ условіямъ и подражая одни другимъ. Откуда же эта самобытность въ правнукѣ?

Къ знатному роду привитъ былъ новый элементъ, когда дѣдъ Петра Алексѣевича породнился съ Гагариными. Въ семействѣ этомъ, хотя тоже принадлежащемъ къ крупной знати, жило чистое и горячее художественное чувство. Братъ княжны, на которой женился дѣдъ, питалъ сильнѣйшую склонность къ сценическому искусству, настолько, что содержалъ на собственный счетъ театръ и—что, по идеямъ того времени, еще хуже—женился на крѣпостной, актрисѣ Семеновой, къ великому скандалу знаменитой родни и всей аристократической Москвы. Въ слѣдующемъ поколѣніи эстетическое чувство проявилось въ одномъ изъ сыновей Гагариной, который оказался порядочнымъ поэтомъ и напечаталъ томъ стихотвореній, заставляя краснѣть отъ стыда князя Алексѣя.

Для объясненія поэтической чувствительности, артистической

склонности и созерцательной натуры Крапоткина, несомнѣнно, приходится считаться съ этой прививкой; но болѣе прямое и безъ сравненія болѣе сильное вліяніе оказала на него мать. Первая жена Алексѣя Петровича, урожденная Сулима, происходила изъ семьи настоящихъ воякъ, безстрашныхъ въ сраженіяхъ, незнакомыхъ съ политическими интригами и придворными обычаями. Дѣдъ Крапоткина съ материнской стороны храбро сражался съ французами, но не сумѣлъ сдѣлаться лакеемъ фаворита Александра I, всесильнаго Аракчеева, вслѣдствіе чего былъ отправленъ въ нѣкотораго рода ссылку, губернаторомъ въ Сибирь. Изъ этой должности, въ тѣ времена болѣе доходной, чѣмъ золотыя розсыпи, онъ вернулся такимъ же бѣднымъ, какъ и при полученіи ея, оставивъ по себѣ хорошую память среди населенія, которое другіе представители центральной власти обыкновенно обирали и притѣсняли. Онъ настолько мало воспользовался своимъ губернаторствомъ лично для себя, что, выдавая дочь за Крапоткина, не смогъ даже дать ей приданаго. Но послушаемъ, что говоритъ ея сынъ.

„Мать наша безусловно была замѣчательной женщиной для своей эпохи. Черезъ нѣкоторое время послѣ ея смерти, я открылъ въ углу кладовой нашего деревенскаго дома много бумагъ, покрытыхъ ея твердымъ, но изящнымъ почеркомъ. То былъ дневникъ, въ которомъ она съ восхищеніемъ описывала нѣкоторые германскіе пейзажи и говорила о своихъ горестяхъ и о своей жаждѣ счастья. Тамъ же оказалось нѣсколько тетрадей, наполненныхъ русскими стихотвореніями, запрещенными цензурой, въ числѣ ихъ историческія баллады Рылѣева, поэта, повѣшеннаго Николаемъ I въ 1826 г.; затѣмъ, тетради съ нотами, французскими драмами, стихами Ламартина, поэмами Байрона, переписанными ею; и, наконецъ, большое количество акварелей. Высокая, стройная, съ шапкой тяжелыхъ каштановыхъ волосъ, темно-карими глазами и крошечнымъ ртомъ, она казалась живой на портретѣ масляными красками, любовно написаннымъ отличнымъ художникомъ. Всегда живая и часто безпечная, она очень любила танцы, и крестьяне нашей деревни разсказывали, что, часто, смотря съ балкона на ихъ медленные, плавные хороводы, она сходила внизъ и сама принимала въ нихъ участіе. У нея была художественная натура. На одномъ балу она схватила воспаленіе легкихъ, сведшее ее въ могилу.

„Всѣ, знавшіе ее, ее любили. Слуги обожали самую ея память. Въ память о ней г-жа Бурманъ заботилась о насъ, а русская нянька перенесла всю свою любовь къ ней на насъ. Причесывая или крестя насъ на ночь, Ульяна часто говорила;

„Ваша мамаша теперь смотритъ на васъ съ неба и плачетъ, бѣдныя сиротки!

„Все наше дѣтство озарено ея памятью. Сколько разъ, въ какомъ-нибудь темномъ проходѣ, рука слуги съ лаской дотрогивалась до меня и до моего брата! Или крестьянка, встрѣченная въ полѣ, спрашивала:

— „Будете такими же добрыми, какъ ваша мамаша? Она жалѣла насъ. Навѣрно, вы будете похожи на нее...

„Не знаю, что было бы съ нами, если бъ мы не нашли дома,

среди прислуги, той атмосферы любви, которая такъ нужна дѣтямъ. Для нашихъ слугъ мы были ея дѣтьми: они окружали насъ заботами, подчасъ самыми трогательными, потому что мы были похожи на нее...“

Итакъ, Крапоткинъ унаслѣдовалъ утонченныя чувства отъ матери. Онъ не приводитъ другихъ примѣровъ своей чувствительности, кромѣ пролитыхъ слезъ, при видѣ высѣченнаго слуги; какъ мы уже указывали, онъ очень мало говоритъ спеціально о себѣ, и не старается выставлять себя на показъ. Но мы можемъ догадаться о душевномъ состояніи и терзаніяхъ ребенка и юноши, читая разсказъ его объ ужасныхъ вещахъ, которыя онъ зналъ и видѣлъ.

Семейный деспотизмъ князя Алексѣя былъ отраженіемъ деспотизма соціальнаго. Въ войскѣ, куда готовились оба брата, идеалъ состоялъ въ механическомъ и автоматическомъ совершенствованіи движеній и пріемовъ, достигаемомъ желѣзной дисциплиной.

„Великолѣпно!“ сказалъ однажды Великій Князь Михаилъ Павловичъ, продержавъ полкъ солдатъ цѣлый часъ подъ ружьемъ на караулъ: „Они только *дышатъ*!“ Генералъ Тимоѳеевъ, любимецъ Николая I, заставлялъ пороть до крови солдатъ за малѣйшій промахъ на парадѣ, разжаловывалъ и ссылалъ въ Сибирь офицеровъ за незастегнутый высокій воротникъ. Военная служба продолжалась двадцать пять лѣтъ и была такъ тяжела, а взысканія такъ безчеловѣчны, что, желая наказать молодыхъ крѣпостныхъ какъ можно суровѣе, господа сдавали ихъ въ рекрута. „Мрачный ужасъ распространялся по всему дому, когда узнавалось, что въ воинское присутствіе должны были отправить кого-нибудь изъ прислуги. Чтобы помѣшать ему лишить себя жизни, его заковывали въ цѣпи и стерегли. Къ воротамъ подъѣзжала телѣга и осужденный выходилъ между двумя часовыми. Вся прислуга окружала его. Онъ низко кланялся, прося прощенія у всѣхъ за обиды, вольныя или невольныя. Если отецъ и мать его жили въ нашей деревнѣ, они приходили проститься съ нимъ. Онъ кланялся имъ въ землю, и мать и другіе родственники начинали причитать какъ на похоронахъ.

Солдатъ, за малѣйшіе проступки, приговаривали къ наказанію шпицрутенами. Тысяча человѣкъ выстраивались въ два ряда, лицомъ къ лицу, съ розгами въ рукахъ, и осужденнаго прогоняли три, четыре, пять, шесть разъ между этими двумя рядами товарищей, каждый изъ которыхъ наносилъ ему ударъ на глазахъ сержантовъ, наблюдавшихъ, чтобъ били, какъ слѣдуетъ. „Послѣ тысячи или двухъ тысячъ ударовъ, обливающуюся кровью жертву переносили въ больницу, гдѣ ее лечили, чтобы наказаніе могло возобновиться, когда послѣдствія первой порціи болѣе или менѣе заживали. Если солдатъ умиралъ во время этой пытки, то приговоръ исполнялся до конца надъ трупомъ. Николай I и братъ его Михаилъ были безжалостны; нечего было надѣяться на какое-либо смягченіе наказанія“.

Обращенію этому подвергались не только простые солдаты: оно было въ ходу и въ кадетскихъ корпусахъ. За выкуренную папиросу юношѣ назначали иногда тысячу розогъ въ присутствіи всего корпуса. Возлѣ наказываемаго ученика стоялъ докторъ

прекращавшій порку только тогда, когда чувствовалъ, что пульсъ перестаетъ биться. Жертву, окровавленную и безъ чувствъ переносили въ госпиталь. Великій Князь Михаилъ, начальникъ военно-учебныхъ заведеній, немедленно уволилъ бы директора кадетскаго корпуса, въ которомъ подобныя наказанія не производились бы разъ или два въ годъ.—„Нѣтъ дисциплины!—сказалъ бы онъ".

Крапоткинъ не говоритъ о впечатлѣніи, которое производили на него всѣ эти картины; но разсказывая ихъ именно такими, какими онѣ были, онъ весьма ярко показываетъ ужасъ ихъ. И чувствительность, унаслѣдованная имъ отъ матери, начинаетъ объяснять его любовь къ жертвамъ и его ненависть къ палачамъ, но не объясняетъ, однако, его возмущенія. Способность испытывать симпатически чужое страданіе ведетъ къ жалости, къ состраданію, которыя, будучи весьма дѣятельными, доходящими даже до самопожертвованія, обыкновенно сопровождаются духомъ покорности. Неспособность къ возмущенію бываетъ обыкновенно тѣмъ больше, чѣмъ утонченнѣе чувствительность: то, что нервныя волокна пріобрѣтаютъ въ тонкости строенія, идетъ въ ущербъ ихъ силѣ. Для того же, чтобы сострадательная покорность превратилась въ великодушное возмущеніе, нужно, чтобы сила развивалась не только вмѣстѣ съ утонченностью чувства, но и преобладала надъ нею. Объ этой новой чертѣ своей, Крапоткинъ едва упоминаетъ, не опредѣляя ее, или опредѣляя, какъ бы изъ скромности, смутно. Онъ разсказываетъ, что, поступивъ противъ желанія въ Пажескій Корпусъ и записанный въ первый изъ пяти классовъ, когда по знаніямъ своимъ могъ бы поступить во второй и, такимъ образомъ, сохранить годъ непріятнаго пребыванія въ школѣ, онъ плакалъ отъ досады: „Учитель математики пытался утѣшить меня, но я далъ ему слово, что не загляну никогда въ его учебникъ, и все-таки онъ принужденъ будетъ ставить мнѣ самыя лучшія отмѣтки. Я сдержалъ слово, но размышляя объ этой сценѣ теперь, нахожу что, ученикъ обладалъ не особенно послушнымъ характеромъ". Эта непокорность, этотъ первый фактъ возмущенія опредѣляется волей, которая въ дѣтской душѣ свидѣтельствуетъ уже о нѣкоторой твердости. Болѣе замѣчательный примѣръ его силы воли находимъ въ исторіи его перваго учебнаго года. Ученики старшихъ классовъ пользовались привиллегіей играть въ саду, гдѣ младшіе должны были развлекать ихъ, вертя карусель. Видя этотъ обычай, Крапоткинъ съ первыхъ дней поступленіявъ школу, рѣшаетъ не сходить въ садъ. „Я читалъ, когда вошелъ камеръ-пажъ, съ волосами морковнаго цвѣта и прыщавымъ лицомъ, и велѣлъ мнѣ идти внизъ и принять участіе въ каруселя. — Не пойду, развѣ вы не видите, что я читаю? отвѣтилъ я. Лицо его исказилось отъ злобы; впрочемъ, оно и такъ было не изъ особенно пріятныхъ.—Онъ чуть на меня не бросился. Я всталъ въ оборонительную позу и старался закрыть себѣ лицо фуражкой, отражая удары насколько могъ лучше. Тогда онъ бросилъ фуражку на полъ.—Поднимите ее!—Поднимите сами!—Подобнаго случая неповиновенія никогда не было видано. Не знаю, какъ онъ меня не избилъ въ ту же минуту; онъ былъ настолько больше и сильнѣе меня! На завтра и въ слѣдующіе дни я получалъ такія же приказанія, но упорно отказывался сойти въ

садъ. Тогда меня начали преслѣдовать самыми невозможными грубостями и жестокостями. Было отъ чего притти въ отчаяніе ребенку. По счастью, я всегда былъ веселъ, принималъ всѣ преслѣдованія въ шутку и не обращалъ на нихъ вниманія". Крапоткинъ не приводитъ другихъ примѣровъ своей силы воли; но говоритъ, однако, что не знаетъ, что было бы съ нимъ, если бъ онъ поступилъ въ Пажескій Корпусъ годомъ или двумя раньше, когда надъ этимъ учрежденіемъ и надъ всѣмъ народомъ тяготѣлъ страшный кошмаръ царствованія Николая I: „Или воля моя сломилась бы, или меня исключили бы изъ школы, и, не знаю, какія послѣдствія вытекли бы изъ этого".

Несомнѣнно, что эта сила воли, эта твердость въ рѣшеніи, упорство въ намѣреніяхъ переданы юношѣ отцемъ и всей серіей властныхъ и деспотичныхъ Крапоткиныхъ, отъ которыхъ, впрочемъ, благодаря наслѣдственности со стороны матери, онъ вышелъ столь различнымъ.

Сила воли, не умѣряемая чувствительностью, перешла у князя Алексѣя въ отвратительную жестокость и смѣшное высокомѣріе; въ сынѣ, она настолько тѣсно соединилась съ другимъ качествомъ, что въ теченіе долгаго времени ни одно изъ нихъ не получало преобладанія. Дѣйствительно, прежде чѣмъ сила воли привела его къ возмущенію, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, къ возмущенію противъ нравовъ, обычаевъ и идей, въ которыхъ онъ родился и выросъ, въ немъ совершилась медленная и мало замѣтная эволюція. Можно даже сказать, что если бы внѣшнія условія были другими, если бы жизнь его развивалась въ другой средѣ, то и результаты получились бы совершенно другіе.

„Ученый — признаетъ онъ самъ — подобно поэту или художнику, является всегда продуктомъ общества, въ которомъ онъ вращается или учитъ". Внѣшній міръ имѣетъ большое вліяніе на опредѣленіе формы ума; прирождённыя способности и индивидуальныя склонности могутъ быть усилены или ослаблены, могутъ развиваться или уничтожаться обстоятельствами. Результаты эти могутъ достигаться двумя способами, двумя путями: въ силу подобія, или контраста. Чувство усиливается, если питается; но лишенія тоже обостряютъ его. Инстинктъ свободы развивается, если онъ поддерживается; насиліе можетъ задушить его; но если этого не получается, то оно же производитъ другое дѣйствіе, діаметрально противоположное, умножая, въ силу реакціи, интенсивность его. Реакція воли и чувствительности естественно пропорціональна претерпѣваемымъ ими дѣйствіямъ. И вотъ, въ соціальныхъ условіяхъ своей родины, Крапоткинъ видитъ, что самая желѣзная и жестокая властность производитъ самыя страшныя послѣдствія. Естественно, что прирожденныя свойства его души почувствовали ихъ, что видъ страданій заставилъ содрогнуться его чувствительность, что гнетъ семейнаго, военнаго и соціальнаго деспотизма натянулъ его волю, какъ струну. „По счастью—замѣчаетъ онъ, говоря объ опасности, которой подвергся бы, въ случаѣ поступленія въ военное училище нѣсколькими годами раньше—въ 1857 г. наступалъ уже переходной періодъ". Смягченіе деспотизма объясняетъ, почему характеръ его не сломился, и онъ не возмутился

сразу; но тиранія была смягчена слишкомъ мало. До отмѣны крѣпостного права должно было пройти еще четыре года, годы, въ которые складывалась душа мальчика; а, за исключеніемъ рабства, ничто замѣтно не измѣнилось, и наблюденія слабыхъ перемѣнъ имѣли мало значенія въ сравненіи съ жестокими воспоминаніями прошлаго. Онъ видѣлъ, какъ въ домѣ отца, одинъ крѣпостной, Саша, учившійся медицинѣ, лишилъ себя жизни, оттого, что не могъ жениться на крѣпостной дѣвушкѣ, принадлежавшей другимъ господамъ. Господа располагали жизнью рабовъ, ихъ ученіемъ, ихъ браками. Если количество жителей въ имѣніи не возрастало согласно ожиданіямъ владѣльца, онъ бралъ списокъ людей, выбиралъ имена 18-ти лѣтнихъ парней и 17-ти лѣтнихъ дѣвушекъ, и писалъ: „Павелъ женится на Аннѣ, Иванъ женится на Екатеринѣ и т. д. Свадьбы отпраздновать черезъ столько то дней, въ такомъ то часу". И, въ назначенный день и часъ, онѣ, дѣйствительно, совершались, сопровождаясь мучительными и невѣдомыми драмами, ибо почти всегда молодые люди питали сердечную склонность къ другимъ, и красивыхъ дѣвушекъ принуждали выходить замужъ за уродовъ. Другому крѣпостному, Гараськѣ, князь Алексѣй сначала позволилъ начать учиться; но когда развитой юноша готовился уже поступить въ университетъ, баринъ вызвалъ его, заставилъ служить въ прихожей, за столомъ, какъ самаго низкаго слугу; а княгиня, въ свою очередь, прилагала особыя усилія, чтобы унижать и мучить его, пока, наконецъ, однажды, отвѣтивъ непочтительно на ея грубое приказаніе, онъ не былъ отправленъ въ кандалахъ въ полкъ.

„Прощаніе его съ стариками родителями было одной изъ самыхъ раздирающихъ сценъ, видѣнныхъ мною въ жизни... Вотъ, чему я самъ былъ свидѣтелемъ въ дѣтствѣ. Но разсказы, которые я слышалъ въ эти годы, были еще ужаснѣе: случаи, когда мужчинъ и женщинъ отрывали отъ ихъ семей и деревни, продавали, или проигрывали, или вымѣнивали на свору охотничьихъ собакъ и перевозили въ какую-нибудь отдаленную мѣстность, для устройства новой усадьбы; случаи, когда дѣтей отнимали у родителей и продавали жестокимъ или развратнымъ хозяевамъ; разсказы о поркахъ на конюшнѣ, производившихся съ неслыханной жестокостью; о дѣвушкѣ, которая не могла избѣжать безчестья и утопилась; о слугѣ, состарившемся на службѣ у своего барина и повѣшенномъ подъ его окномъ; о бунтахъ крѣпостныхъ, которые Николай I подавлялъ, запарывая до смерти каждаго десятаго или пятаго, и разоряя виновную деревню, жители которой, послѣ военной экзекуціи, разбредались нищими по сосѣднимъ губерніямъ, какъ послѣ пожара. Что же касается до бѣдности, которую я видѣлъ во время нашихъ путешествій въ нѣкоторыхъ деревняхъ, особенно принадлежащихъ царской фамиліи, то слова не могутъ изобразить ее читателямъ, близко не видавшимъ ее"... И съ уничтоженіемъ рабства нищета не уменьшилась, а возросла. Помѣщики отнимали, въ экономической области у крѣпостныхъ то, что они пріобрѣли въ политической, какъ люди. А либеральная политика, начавшаяся съ освобожденіемъ, вскорѣ замѣнилась реакціей, которая, будучи крайне тяжелой, должна была, въ силу контраста,

рѣзко оборвавъ зародившіяся надежды и на мигъ мелькнувшія перспективы, показаться еще тяжелѣе и невыносимѣе.

Крапоткинъ еще не возмущался, но размышлялъ и содрогался; и, такъ какъ крѣпостные предпочитали столь часто самоубійство солдатчинѣ, этотъ своеобразный баричъ, жалѣвшій ихъ, чувствовалъ себя несчастнымъ, будучи вынужденнымъ принадлежать къ этому войску, самому полному олицетворенію и самому дѣйствительному орудію деспотизма. Въ теченіе долгаго времени единственнымъ признакомъ внутренней работы было это отвращеніе къ военной жизни. Наслѣдственныя фамильныя свойства, утонченная чувствительность и сильное сознаніе своей личности должны было вызвать такое слѣдствіе, увеличившееся еще благодаря другимъ способностямъ, происходящимъ отъ другой наслѣдственности, менѣе близкой, чѣмъ фамильная, но тоже весьма сильной: наслѣдственности расовой. Славянская раса, ядро русскаго народа, созерцательна и мистична, но не воинственна и не приверженна къ формѣ. Это говоритъ Крапоткинъ, но мы знаемъ это и отъ многихъ другихъ. Крапоткинъ утверждаетъ, что славяне принимаютъ войну съ покорной торжественностью, какъ бѣдствіе, посланное Провидѣніемъ; другой славянинъ, Крашевскій, употребляетъ почти тѣ же слова для удостовѣренія того же факта: онъ говоритъ, что война является для этого народа тяжелой необходимостью. „Въ германскихъ и скандинавскихъ миѳахъ кровь льется потоками, слышенъ только лязгъ оружія, крики гнусныхъ и необузданныхъ страстей. Ничего подобнаго нѣтъ въ славянскихъ разсказахъ. *Славянинъ плачетъ надъ убитымъ врагомъ, какъ надъ любимымъ другомъ.* Нѣмецкія хроники говорятъ, что отвращеніе славянъ къ войнѣ было настолько велико, что часто они платили дань, чтобы избѣжать ея. На тризнахъ они ѣли кушанья, уже нарѣзаныя ранѣе, чтобы не испугать души покойныхъ видомъ ножа“. Душа русскаго избѣгаетъ не только кровавыхъ битвъ, но ненавидитъ и самый духъ господства. Молитва, читаемая Великимъ Постомъ, простыми, но сильными, прекрасными словами выражаетъ это отвращеніе: Пушкинъ переложилъ ихъ въ стихи; Крапоткинъ, въ первые годы говѣнья, былъ „глубоко потрясенъ ими“.

Качества эти, болѣе или менѣе подавленныя въ большей части русскихъ педантичнымъ, суровымъ и властнымъ режимомъ, внесеннымъ и навязаннымъ извнѣ, выступаютъ въ Крапоткинѣ и его братѣ и объясняютъ, почему, въ теченіе лѣтъ, проведенныхъ въ военномъ училищѣ, они упивались поэзіей, и Александръ писалъ стихи, а Петръ повѣсти, и восторгался Некрасовымъ, стихи котораго, „хотя и мало гармоничные, говорили моему сердцу, благодаря участію къ *униженнымъ и угнетаемымъ*“.

Братъ, старше его, болѣе разсудочнаго и созерцательнаго характера, рано проникшійся философіей, писалъ ему изъ Кадетскаго Корпуса, гдѣ, тоже противъ воли, готовился къ военной карьерѣ: „Нужно имѣть цѣль въ жизни; безъ цѣли, безъ твердо установленнаго плана, жизнь—не жизнь“. Это тревожное исканіе смысла существованія—характерная черта безпокойной славянской души. Слишкомъ еще юный, чтобы пріобщиться къ нему, Петръ почув-

ствовалъ тѣмъ не менѣе, при призывахъ брата, „какъ что-то неопредѣленное, смутное, но *хорошее*“ проснулось въ немъ. „Обширность вселенной, величіе природы, ея поэзія, вѣчно трепещущая жизнь ея поражали меня все больше, и эта непрестанная жизнь, и гармоничность ея вызывали во мнѣ восторженное преклоненіе, о которомъ мечтаютъ юныя души; любимые же поэты мои позволяли мнѣ выражать словами нарождающуюся любовь къ человѣчеству и ростущую вѣру въ его совершенствованіе“.

Если бы эта способность пріобщаться къ поэтическому чувству соединялась въ немъ съ способностью выражать его, то онъ, несомнѣнно, сдѣлался бы поэтомъ и отдалъ бы этой новой дѣятельности свои прирожденныя силы. Существуютъ, дѣйствительно, сильные поэты, и блестящимъ примѣромъ ихъ служитъ Джозуэ Кардуччи; но сила поэта, какъ бы она ни была велика, не можетъ сравниваться съ силой человѣка поступковъ. Первая удовлетворяется образами, видѣніями; вторая должна проявляться непосредственно на вещахъ и явленіяхъ. Быть можетъ, въ Крапоткинѣ были всѣ задатки художника, даже способность выраженія—это доказываютъ нѣкоторыя лирическія мѣста его произведеній—но инстинктъ дѣятеля побѣдилъ въ немъ инстинктъ фантазера. Поэтическое волненіе нравится натурамъ съ утонченной чувствительностью; но если къ послѣдней присоединяется сильная воля, то является могучая потребность двигаться, работать, дѣйствовать. Поэзіи и искусства тогда уже мало; болѣе соотвѣтствующія удовлетворенія можетъ, конечно, представить наука. Ученый еще не человѣкъ дѣйствія, какъ не таковъ же и художникъ; тѣмъ не менѣе, изъ двухъ родовъ второй болѣе активенъ, или менѣе созерцателенъ. Наблюденіе обще имъ обоимъ; но, помимо того, что научное наблюденіе требуетъ большей иниціативы, наука подвигается и путемъ опытовъ, въ которыхъ дѣятельный умъ и активная энергія принимаютъ видное участіе. Мы видимъ, что Кропоткинъ вскорѣ рѣшительно отказывается отъ искусства и предается наукѣ; но въ теченіе нѣкотораго времени, обѣ дѣятельности шли, такъ сказать, рука объ руку, и въ изученіи отвлеченныхъ дисциплинъ, особенно астрономіи, онъ находилъ удовлетвореніе энергичному уму и пищу утонченному чувству. „Непрестанная жизнь вселенной, которую я понималъ, какъ *жизнь* и эволюцію, сдѣлалась для меня источникомъ высокой поэзіи, и мало по малу чувство единства человѣка съ одушевленной и неодушевленной природой—поэзія природы—стало философіей моей жизни“...

Онъ жадно искалъ вокругъ себя выраженій этой философіи, этого чувства; но видѣлъ ихъ подавляемыми и уничтожаемыми. Цензура запрещала печатаніе лучшихъ поэтическихъ, литературныхъ и философскихъ произведеній, или искажала ихъ смѣхотворнымъ образомъ. Въ комедіи Грибоѣдова *Горе отъ ума*, полковникъ Скалозубъ долженъ былъ называться просто *господинъ* Скалозубъ, потому это изображать въ комическомъ видѣ полковника значило оскорблять войско. Въ *Мертвыхъ Душахъ* Гоголя не разрѣшено было печатать вторую часть и переиздать первую, давно уже разошедшуюся. Ничего, разумѣется, и говорить о произведеніяхъ, заключающихъ какое-нибудь политическое суждене

имъ намекъ, но послѣднія циркулировали въ рукописяхъ, о Крапоткинъ помогалъ своему учителю вписывать ихъ. Въ корпусѣ онъ сочинялъ таковыя же самъ.

Большинство его товарищей, не занимались этимъ. Разумѣется, молодыхъ людей должна была тяготить военная тираннія и гнетъ, царившій въ ихъ семьяхъ; но они переносили ихъ болѣе или менѣе покорно, надѣясь и сами проявлять ихъ впослѣдствіи. Они принимали преимущества и невыгоды военнаго или гражданскаго общества, въ которое должны были вступить. Въ среднихъ людяхъ духъ подражанія болѣе распространенъ и болѣе интенсивенъ, чѣмъ духъ изобрѣтательности; не особенно сильныя индивидуальности побѣждаются необходимостью приспособленія. И та же необходимость представилась самому Крапоткину. Поступивъ противъ воли въ Пажескій корпусъ, который для юноши его положенія являлся естественной ступенью для занятія извѣстнаго мѣста въ обществѣ, онъ остался въ немъ, и, если велъ себя не чрезмѣрно послушно, то все же не настолько, чтобы быть исключеннымъ. Но духъ критики, иниціативы, самостоятельности продолжалъ дѣйствовать въ немъ, заставлялъ его представлять и желать совершенно другого общественнаго положенія, чѣмъ то, которое ожидало его въ свѣтѣ, побуждалъ его дѣйствовать въ смыслѣ его представленія и его желанія. Въ 18 лѣтъ, въ Пажескомъ корпусѣ, онъ былъ уже конституціоналистомъ, считалъ необходимымъ договоръ между монархомъ и народомъ; и началъ выражать эти мнѣніи въ журнальчикѣ, который переписывалъ въ трехъ экземплярахъ и потихоньку давалъ читать надежнымъ товарищамъ.

Этотъ новый симптомъ еще знаменательнѣе, но все же недостаточенъ для того, чтобы назвать Крапоткина мятежникомъ. Возмущеніе не было въ немъ взрывомъ; нельзя точно сказать, съ какого пункта, въ какое время оно началось; оно было результатомъ медленнаго процесса, начавшагося съ первыми проблесками моральной жизни и продолжавшагося въ періодъ полной зрѣлости. Эта медленность могла ввести въ заблужденіе наблюдателя—если въ ту пору у него были таковые. Нынѣ мы находимъ въ ней признакъ важности и искренности превращенія. Если бъ онъ поддавался порывамъ, если бы рано совершилъ какой-нибудь настоящій, чисто революціонный актъ, то можно бы предположить въ немъ импульсивнаго, несознательнаго человѣка. Наоборотъ, такъ какъ превращеніе произошло постепенно, какъ плодъ долгаго созрѣванія, приходится признать полную его сознательность. Если мы будемъ искать причину побуждающую его сдерживать импульсы нетерпимой энергіи, то должны будемъ приписать ее той же силѣ нѣжной чувствительности. Любовь къ ближнему, питавшая негодованіе Кропоткина противъ общественнаго строя, толкала его къ бѣднымъ, къ крѣпостнымъ, къ несчастнымъ; во время каникулъ, чистосердечная простота въ избахъ, которыя онъ посѣщалъ, вознаграждала его за горечь, испытанную среди великолѣпія императорскихъ дворцовъ. „Воспоминаніе объ одномъ вечерѣ особенно запечатлѣлось въ моемъ умѣ“: вечерѣ, проведенномъ въ бѣдномъ *бѣломъ трактирчикѣ* безъ спиртныхъ напитковъ. „Нѣсколько крестьянъ сидѣли за столами, накрытыми бѣлыми скатертями, и пили чай. Я

послѣдовалъ ихъ примѣру. Все здѣсь мнѣ казалось новымъ. Это была деревня государственныхъ крестьянъ, т. е. не крѣпостныхъ, и относительно зажиточныхъ, что объяснялось, вѣроятно, заработкомъ, который они получали отъ продажи домотканаго холста. За столами разговоры шли медленные, серьезные, лишь изрѣдка прерываемые взрывомъ смѣха; и послѣ обычныхъ предварительныхъ формальностей, я вскорѣ вступилъ въ разговоръ съ дюжиной землепашцевъ, о дѣлахъ въ нашей сторонѣ, и долженъ былъ отвѣчать на всевозможные вопросы. Они хотѣли быть въ курсѣ всего дѣлавшагося въ Петербургѣ, и особенно интересовались слухами о предстоящей отмѣнѣ крѣпостнаго права. И въ этотъ вечеръ, въ этомъ постояломъ дворѣ, я былъ охваченъ чувствомъ простоты, естественнаго равенства и сердечной благожелательности, которое потомъ всегда испытывалъ, находясь среди крестьянъ и въ ихъ жилищахъ. Ничего необыкновеннаго въ ту ночь не случилось, такъ что я спрашивалъ себя, стоитъ ли упоминать объ этомъ инцидентѣ, и тѣмъ не менѣе, этотъ теплый вечеръ, этотъ деревенскій трактирчикъ, эта бесѣда съ деревенскими жителями и живой интересъ, обнаруженный ими къ сотнѣ вещей, столь далекихъ отъ обычнаго круга ихъ идей, все это сдѣлало то, что съ тѣхъ поръ бѣдный *бѣлый трактирчикъ* имѣетъ для меня больше привлекательности, чѣмъ лучшій ресторанъ міра".

Это предпочтеніе характерно и объясняетъ другое, выраженное имъ черезъ нѣкоторое время, по выходѣ изъ училища. По окончаніи пяти лѣтъ ученія, молодые дворяне могли выбирать или гвардейскій полкъ, куда вступали съ первымъ офицерскимъ чиномъ, или простой армейскій, въ которомъ тотчасъ же получали третій чинъ поручика.

И въ то время, какъ всѣ спѣшили выбрать самые славные полки и корпуса, съ самыми доблестными традиціями и самыми блестящими мундирами, принимавшіе самое непосредственное участіе въ жизни Двора, Крапоткинъ, среди негодованія товарищей, изумленія начальства, огорченія и рѣшительнаго противодѣйствія отца, высказалъ желаніе поступить въ число амурскихъ казаковъ, въ только что сформированный полкъ, съ самой простой формой, стоящій въ далекой Сибири. Твердо рѣшивъ продолжать свое образованіе, но не имѣя возможности поступить въ университетъ, потому что отецъ оставилъ бы его безъ средствъ, если бъ онъ бросилъ военную службу, и не желая унизиться до принятія стипендіи, которую ему далъ бы кто-нибудь изъ членовъ царской фамиліи, если бъ онъ откровенно заявилъ о своемъ призваніи, гордый юноша въ выборѣ сибирскаго полка нашелъ наилучшее рѣшеніе: онъ не порывалъ съ семьей, не обязывался Двору, пользовался своимъ правомъ, просясь въ новыя мѣста, гдѣ можно было не только учиться, но и работать. Военная профессія, несомнѣнно, одна изъ наиболѣе подходящихъ для активныхъ людей; но насколько чувствительной душѣ, горящей любовью къ человѣчеству должны быть противны кровавыя дѣйствія, настолько же дѣятельную волю должна была тяготить длительная инерція, на которую осуждены военные въ періодъ мира. Рѣшеніе поступить въ сибирскій полкъ было нагляднѣйшимъ проявленіемъ прирожденныхъ свойствъ его души

и условій, въ которыхъ онъ находился въ то время. Сила его желала проявляться съ пользой въ направленіи чувства, удовлетворяя любознательность и дѣлая добро.

Но, отправляясь въ Сибирь, онъ не только изучалъ бы явленія и людей, но и принималъ бы участіе въ крупныхъ реформахъ, которыя правительство предполагало провести въ азіатскихъ владѣніяхъ. Выборомъ этимъ онъ нарушалъ традиціи своей семьи, своего класса, своей касты, оригинальность, предвѣщающая все яснѣе будущія несогласія, но пока еще умѣренная и примирительная.

И вотъ, въ теченіе пяти лѣтъ въ Сибири, онъ живетъ свободной жизнью, въ которой нуждается свободный духъ, активной укрѣпляющей жизнью, обнаруживающей фальшь и ложныя условности. „Находясь внѣ заколдованнаго круга условной цивилизаціи", онъ видѣлъ, какъ мало нужно человѣку. „Запасшись нѣсколькими фунтами хлѣба и нѣсколькими золотниками чая въ кожаномъ мѣшкѣ, съ котелкомъ и маленькимъ топоромъ, привязанными къ сѣдельной лукѣ, и одѣяломъ, разстилаемымъ на бивуакѣ на свѣже срѣзанныя еловыя вѣтки, человѣкъ чувствуетъ себя чудесно независимымъ, даже среди невѣдомыхъ горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ и снѣгомъ". Это—плодотворное изученіе географіи, геологіи и этнографіи, практическое изученіе наукъ, которому нужны не наблюденія и опытъ въ торжественной лабораторіи, а смѣлыя изслѣдованія въ широкомъ мірѣ, прямыя наблюденія среди кишащаго людского муравейника. Но въ то же время, для души жаждущей, кромѣ науки и свободы, главнымъ образомъ, еще и справедливости, это—и разоблаченіе собственнаго безсилія. „Я скоро понялъ невозможность сдѣлать что-либо дѣйствительно полезное массамъ черезъ посредство административной машины. Потомъ я началъ понимать не только людей и ихъ природу, но и внутреннія пружины соціальной жизни. Созидательная работа безвѣстныхъ массъ, о которыхъ такъ мало говорится въ книгахъ, и важность этой работы въ эволюціи соціальныхъ формъ, предстали передо мною въ яркомъ свѣтѣ. Я видѣлъ, напримѣръ, какъ община духоборцевъ—братьевъ тѣхъ, которые въ настоящее время населяютъ Канаду и встрѣчаютъ столь великодушную поддержку въ Америкѣ и Англіи—эмигрируютъ въ Амурскую область; удостовѣрился въ огромныхъ преимуществахъ, достигнутыхъ ими въ братскомъ полукоммунистичесомъ распорядкѣ, видѣлъ успѣхъ ихъ колоній, среди неудачъ государственной политики, и это были уроки, которыхъ книги не могли дать мнѣ. Затѣмъ, годы, проведенные съ туземцами, сложныя формы общественнаго устройства, выработанныя ими вдали отъ всякаго рода культуры, должны были пролить цѣлые потоки свѣта на всѣ мои послѣдующія занатія. Непосредственное наблюденіе показало мнѣ съ очевидностью роль, выполненную невидимыми массами во всѣхъ крупныхъ историческихъ событіяхъ, даже и во время войны, и я пришелъ къ тому, что сталъ раздѣлять идеи, выражаемыя Толстымъ относительно вождей и толпы въ его произведеніи *Война и Миръ*. Воспитанный въ рабовладѣльческой семьѣ, я, какъ всѣ молодые люди моего времени, входилъ въ жизнь, съ твердой вѣрой въ необходимость командовать, приказывать, пред-

писывать и наказывать. Но, когда, вскорѣ, мнѣ пришлось завѣдывать серьезными предпріятіями и имѣть дѣло съ людьми, когда всякая ошибка повлекла бы за собой самыя важныя послѣдствія, я началъ оцѣнивать разницу между тѣмъ, что получается отъ команды и дисциплины, и тѣмъ, что получается отъ согласія между всѣми заинтересованными. Первый пріемъ прекрасно удается на военномъ парадѣ, но никуда не годится въ реальной жизни, когда цѣль не можетъ быть достигнута безъ большого количества согласованныхъ воль. Хотя тогда я не формулировалъ своихъ наблюденій терминами, употребляемыми въ борьбѣ партій, но теперь могу сказать, что въ Сибири потерялъ вѣру въ государственную дисциплину. Такимъ образомъ, я былъ подготовленъ къ тому, чтобы стать анархистомъ".

Военный строй государства представлялся ему не только безсильнымъ приносить пользу, но и оказывался прямой причиной и факторомъ серьезнаго вреда и жесточайшихъ бѣдствій. Находясь въ Сибири, онъ видѣлъ измученныхъ политическихъ ссыльныхъ, уничтоженныхъ правительствомъ, безъ признака возмущенія, безъ звука жалобы. Однажды приговоренные поляки не проявили такой покорности, какъ ихъ русскіе товарищи по несчастію: они разоружили стражу, вооружились ея ружьями и косами, и нѣкоторое время держались противъ войскъ, посланныхъ усмирять ихъ, убивъ офицера. Послѣ усмиренія, пятерыхъ изъ этихъ несчастныхъ приговорили къ смертной казни. „Генералъ-губернаторъ телеграфировалъ въ Петербургъ, прося позволенія отложить казнь мятежниковъ, но не получилъ отвѣта. Онъ обѣщалъ намъ не разстрѣливать ихъ; но прождавъ тщетно нѣсколько дней отвѣта, приказалъ привести приговоръ въ исполненіе, тайно, на разсвѣтѣ. Отвѣтъ изъ Петербурга пришелъ черезъ четыре недѣли по почтѣ: губернатору предоставлялось поступить, *какъ онъ найдетъ лучше*. Но за это время пятерыхъ храбрецовъ разстрѣляли... Для меня и для моего брата этотъ бунтъ былъ большимъ урокомъ. Мы поняли, что значитъ принадлежать къ войску. Я былъ въ отъѣздѣ, но братъ мой находился въ Иркутскѣ, и эскадронъ его былъ посланъ противъ мятежниковъ. Къ счастью, полковой командиръ хорошо зналъ его и подъ какимъ-то предлогомъ передалъ командованіе мобилизованнымъ отрядомъ другому офицеру. Иначе Александръ рѣшительно отказался бы итти, и если-бъ я былъ въ Иркутскѣ, то поступилъ бы такъ же, какъ и онъ. Поэтому мы оба рѣшили бросить службу и вернуться въ Россію".

Подобно тому, какъ изъ зародыша нарождается, растетъ и мало по малу опредѣляется вся сложная структура организма, такъ мы можемъ прослѣдить послѣдовательное образованіе души Крапоткина. Мы видимъ, какъ развертывается, подобно первому листу изъ почки, первый индивидуальный актъ его независимаго духа, отказъ отъ удовольствій и праздности гарнизонной жизни, выборъ незамѣтной, но плодотворно трудовой службы въ Сибири. Второе проявленіе его духа, болѣе выразительное, болѣе опредѣленное—это совершенный отказъ отъ всякой военной или правительственной должности. Онъ порываетъ съ традиціями еще болѣе рѣшительнымъ образомъ; но еще не возстаетъ. Изъ военнаго вы-

шелъ ученый: наука захватила его цѣликомъ. Вернувшись простымъ гражданиномъ, онъ всецѣло отдается изслѣдованіямъ, начатымъ въ Сибири; онъ набрасываетъ планъ большой экспедиціи въ полярныя арктическія страны, предчувствуетъ существованіе суши около Новой Земли—впослѣдствіе тамъ дѣйствительно, была открыта земля Франца Іосифа,—получаетъ командировку въ Финляндію и Швецію, для изслѣдованія ледниковыхъ отложеній, завязываетъ сношенія съ Норденшельдомъ, мечтаетъ о назначеніи секретаремъ географическаго общества, и, дѣйствительно, получаетъ это назначеніе по телеграфу, въ то время какъ ищетъ слѣдовъ исчезнувшаго моря послѣ-ледниковаго періода. Мечта его сбылась: ему остается написать благодарственное письмо и принять назначеніе. Онъ, дѣйствительно, благодаритъ, но отказывается.

Что же случилось? Произошелъ вдругъ послѣдній кризисъ и радикальное превращеніе. Всѣ причины, дѣйствовавшія въ немъ медленно и не всегда открыто, вдругъ произвели свое величайшее и послѣднее дѣйствіе. Въ семьѣ онъ былъ оскорбленъ суровостью отца и мачехи, и молчалъ; въ военномъ училищѣ—желѣзной дисциплиной, и проникся отвращеніемъ къ военной профессіи; въ деревнѣ—страданіями крѣпостныхъ, и сталъ жалѣть и любить ихъ; въ свѣтѣ—высокомѣріемъ сильныхъ міра, и сталъ ненавидѣть ихъ; въ Сибири—безсиліемъ и жестокостью правительства, и порвалъ всякія сношенія съ нимъ. Такимъ образомъ, всегда и всюду онъ мечталъ и старался достигать добра; но жажда лучшаго не удовлетворялась. „Проѣзжая въ финской двуколкѣ по какой-нибудь равнинѣ, не представляющей интереса для геолога, съ киркой на правомъ плечѣ и съ мѣшкомъ на другомъ, я имѣлъ время для размышленій; и среди интересныхъ геологическихъ работъ, я преслѣдовалъ идею, говорившую моему сердцу громче, чѣмъ геологія, и осаждавшую мой умъ. Я видѣлъ, какое огромное количество работы производитъ финскій крестьянинъ, чтобы взрыхлить почву и разбить твердые слои глины, и говорилъ себѣ: „Предположимъ, что я напишу физическую географію этой части Россіи и укажу крестьянину лучшій способъ обрабатывать эту землю. Здѣсь, былъ бы незамѣнимъ американскій запашникъ; тамъ наука подсказала бы извѣстные способы удобренія... Но какой толкъ говорить этому крестьянину объ американскихъ машинахъ, когда у него едва хватаетъ хлѣба на то, чтобы просуществовать отъ одного урожая до другого, когда налогъ, который онъ долженъ платить за эту глинистую землю возрастаетъ все больше по мѣрѣ того, какъ ему удается улучшить почву? Онъ гложетъ свою лепешку изъ ржаной муки, твердую какъ камень, которую печетъ два раза въ годъ. Съ этой лепешкой онъ съѣдаетъ кусокъ страшно соленой трески и пьетъ снятое молоко. Какъ я рѣшусь говорить ему объ американскихъ машинахъ, когда все, что онъ можетъ произвести, идетъ въ продажу, для уплаты податей и налоговъ?.. Наука превосходная вещь. Я зналъ радости, доставляемыя ею, и цѣнилъ ихъ больше многихъ моихъ товарищей. Но какое право имѣлъ я на благородныя наслажденія ею, когда вокругъ себя, не видѣлъ ничего, кромѣ нищеты, борьбы за кусокъ черстваго хлѣба? Все, что я потратилъ

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

бы на то, чтобы пріобщиться къ этому міру утонченныхъ наслажденій, было бы неминуемо отнято изо рта у тѣхъ, которые сѣютъ и ростятъ хлѣбъ, не имѣя его достаточно для своихъ дѣтей. То, что я истратилъ бы, было бы взято изъ необходимаго для кого-нибудь, потому что общая производительность всего человѣчества еще слишкомъ мала. Знаніе, несомнѣнно, огромная сила. Необходимо, чтобы человѣкъ имѣлъ знаніе. Но мы знаемъ уже многое! Что произошло бы, если-бъ эти знанія—и ничего больше, кромѣ этихъ знаній — сдѣлались общимъ достояніемъ всѣхъ? Не подвигалась ли бы тогда наука скачками, и не шло ли бы человѣчество гигантскими шагами въ области производства, изобрѣтеній и соціальнаго творчества, съ быстротой, которую мы теперь едва можемъ себѣ представить? Массамъ необходимо учиться; онѣ хотятъ учиться и *могутъ* учиться. Тамъ, на гребнѣ этой необозримой морены, извивающейся среди озеръ, какъ будто какой-нибудь гигантъ поспѣшно нагромоздилъ ея глыбы, чтобы соединить оба берега, стоитъ финскій крестьянинъ, погруженный въ созерцаніе прелестныхъ, простирающихся передъ нимъ озеръ, усѣянныхъ островами. Ни одинъ изъ этихъ крестьянъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ и удрученъ, не пройдетъ здѣсь, не остановившись полюбоваться видомъ. Дальше, на берегу озера, другой крестьянинъ поетъ красивую пѣсню, мелодіи которой позавидовалъ бы лучшій музыкантъ, за отражающіяся въ ней сильное чувство и глубокую фантастичность. Оба глубоко чувствуютъ, оба размышляютъ, оба думаютъ: они созрѣли для расширенія круга своихъ знаній; но позвольте имъ это, дайте имъ средства и возможность получить ихъ! Вотъ направленіе, въ которомъ я долженъ дѣйствовать, вотъ люди, для которыхъ я долженъ работать. Всѣ эти разговоры, въ которыхъ толкуется о преуспѣяніи человѣчества, въ то время, какъ авторы преуспѣяній стоятъ вдалекѣ отъ тѣхъ, кого претендуютъ вести впередъ, всѣ эти фразы—чистые софизмы, созданные для умовъ, желающихъ бѣжать отъ раздражающаго противорѣчія. И, вотъ почему я послалъ Географическому обществу отрицательный отвѣтъ".

Возмущеніе теперь готово совершиться; этотъ великій отказъ могъ бы даже означать, что оно совершилось. Пока онъ отказывался отъ блестящихъ полковъ и веселыхъ гарнизоновъ, пока предпочиталъ пустынную Сибирь шумнымъ столицамъ, и чистую науку суетнымъ и непріятнымъ должностямъ, онъ былъ еще связанъ съ прежней жизнью; но теперь, если даже научныя спекуляціи показались ему эгоистичными, порвана всякая связь, родился новый человѣкъ, который будетъ работать, среди самыхъ страшныхъ опасностей, для другихъ, чтобы дать другимъ, униженнымъ, обездоленнымъ, сознаніе ихъ правъ; чтобы бороться со всѣми привиллегіями, всѣми неравенствами, чтобы восхвалять и подготовлять общую для всѣхъ людей свободу. Того, кто отказался отъ мысли выманить у земли ея тысячелѣтнія тайны и увеличить область своихъ и чужихъ знаній, того никто и ничто не сможетъ уже отвлечь отъ долга заботиться объ общемъ благѣ.

Однако, люди добиваются его разными путями. Уже изъ ранняго періода видно, что Кропоткинъ стоялъ за конституціонный

строй; но теперь политической реформы ему уже было недостаточно; онъ понялъ необходимость соціальнаго обновленія. Поэтому онъ примкнулъ къ соціалистамъ-революціонерамъ. Выѣхавъ изъ Россіи и пріѣхавъ въ западную Европу, въ Швейцарію, онъ поступилъ въ *Интернаціоналъ*; но ни *Интернаціоналъ*, ни соціализмъ тоже не могли его удовлетворять. Политическія тенденціи, оказавшіяся у членовъ *Интернаціонала*, отвратили его, заставили его признать зловреднымъ всякій направляющій актъ, хотя бы демократическій по существу и преслѣдующій революціонныя цѣли; экономическій деспотизмъ соціализма показался ему опаснѣе простой политической тиранніи. И вотъ, онъ уже анархистъ, ранѣе чѣмъ найдено было самое слово; онъ приверженецъ бакунинской группы, въ которой одобряетъ то, что имя основателя произносится не какъ имя, „признаннаго главы, мнѣнія коего законъ, но какъ имя личнаго друга, о которомъ всѣ говорятъ съ любовью и безъ стѣсненія". Такимъ образомъ, индивидуализмъ дошелъ до высшей степени выраженія. Не существуетъ уже никакого безспорнаго авторитета, не исключая даже и авторитета учителей. Нѣтъ авторитета, нѣтъ законовъ: анархическая концепція закончена.

Но, хотя и дойдя до этой крайней концепціи, онъ еще не окончательно подчинилъ ей свою жизнь. Обаяніе научныхъ изслѣдованій еще держитъ его въ своей власти; въ теченіе нѣкотораго времени онъ думаетъ, что сможетъ примирить дѣятельность натуралиста съ дѣятельностью соціолога, и въ то время, какъ переодѣтый крестьяниномъ, онъ переходитъ отъ пышныхъ залъ богачей и даже Зимняго дворца въ бѣдныя лачуги, и намѣревается кончить докладъ о своемъ путешествіи въ Финляндію, полиція ищетъ его подъ именемъ Бородина; присутствуетъ на засѣданіи Географическаго общества, которое избираетъ его предсѣдателемъ отдѣла Физической географіи, наканунѣ ареста и заключенія въ Петропавловскую крѣпость.

Новыя угнетенія, новые ужасы, которыхъ ему приходится быть свидѣтелемъ, даютъ новые толчки къ окончательному бунту. Въ крѣпости изнываютъ столько людей, безъ приговора, даже безъ суда, хотя бы формальнаго. Заключенные сообщались между собой перестукиваніемъ сквозь стѣны, и Крапоткинъ слышалъ, какъ сходилъ съ ума одинъ изъ нихъ, Сердюковъ. Оправданный судомъ и освобожденный, сумасшедшій лишилъ себя жизни. Сумасшествія и самоубійства очень часты среди несчастныхъ заживо погребенныхъ жертвъ полицейской власти. Великій князь Николай однажды посѣтилъ Крапоткина въ его камерѣ, напоминалъ ему о его происхожденіи, воспитаніи, положеніи и старался выманить у него какія-нибудь признанія; онъ съ негодованіемъ отказался отвѣчать. Удачно бѣжавъ изъ военнаго госпиталя, онъ спасается на Западъ, и съ этого момента прежній человѣкъ исчезаетъ въ немъ совершенно; остается анархистъ, приговоренный къ смерти, за которымъ охотятся разбойники, распущенные русскимъ правительствомъ по всему свѣту, котораго судятъ и заключаютъ въ тюрьмы въ самыхъ свободныхъ государствахъ Европы за проповѣдь его ученія.

II.

„Философъ, желающій измѣнить дурной законъ—писалъ Бентамъ—не проповѣдуетъ возмущенія противъ него... Совершенно противоположенъ характеръ анархиста. Анархистъ отрицаетъ существованіе, оспариваетъ значеніе дѣйствительности закона, возбуждаетъ людей не признавать его, какъ таковой и возставать противъ исполненія его". Различіе указано правильно; однако, разнообразіе интеллектуальныхъ и моральныхъ силъ такъ велико, что недостаточно различить философовъ отъ анархистовъ, такъ какъ можетъ быть и, дѣйствительно, имѣется третья категорія: именно, философовъ анархіи, анархистовъ-теоретиковъ, умозрительныхъ и, если можно такъ сказать, абстрактныхъ анархистовъ.

Къ этой категоріи, Крапоткинъ, по только что сдѣланному анализу, не могъ принадлежать. Онъ, правда, философъ, доктринеръ, отдавшій соціологіи все свое призваніе къ позитивному изслѣдованію, нѣкоторое время удовлетворявшееся изученіемъ естественныхъ наукъ; но, какъ географъ, геологъ, этнографъ совершалъ свои наблюденія, переходя съ мѣста на мѣсто, поднимаясь на горы, спускаясь вдоль рѣкъ, вопрошая людей, такъ анархистъ выходитъ изъ кабинета, смѣшивается съ людьми, дѣйствуетъ и проповѣдуетъ дѣйствіе. Внутреннія предрасположенія, въ темпераментахъ, подобныхъ его, выражаются не только въ словахъ, въ теоріяхъ; они проявляются также въ дѣйствіяхъ и фактахъ. Одаренный утонченной чувствительностью и живымъ умомъ, онъ предался, въ первый періодъ жизни, созерцанію и изслѣдованію; потомъ онъ пересталъ созерцать и искать, и способность сочувствовать страданію ближнихъ и видъ ужасныхъ бѣдствій и жестокостей, представлявшихся его глазамъ, постоянно обращали его къ изученію соціальныхъ наукъ; но простого изученія, какъ бы оно ни было активно, не можетъ ему быть достаточно. Критическій смыслъ и инстинктъ свободы измѣнились подъ вліяніемъ давленія, гнета внѣшнихъ обстоятельствъ, въ горячій духъ протеста, непобѣдимый порывъ возмущенія. Онъ не можетъ быть анархистомъ-теоретикомъ, онъ анархистъ-борецъ; онъ отдается, долженъ отдаться активной проповѣди, дѣйственной пропагандѣ. Если бы онъ былъ только сензитивной и сентиментальной натурой, если бы онъ не обладалъ ни дѣятельной мыслью, способной на строгія наблюденія и широкія концепціи, ни способностью къ быстрымъ рѣшеніямъ и дѣйствіямъ, то, можетъ быть, онъ тоже сталъ бы анархистомъ; но анархизмъ его обладалъ бы другими чертами; онъ былъ бы, напримѣръ, похожимъ на анархизмъ Льва Толстого. Толстой отказался отъ искусства, какъ Крапоткинъ отказался отъ науки, вслѣдствіе моральной невозможности наслаждаться красотой и истиной въ то время, какъ такая огромная часть человѣчества лишена необходимаго; но уже изъ самаго факта, что первый былъ художникомъ, а второй ученымъ, видно, насколько различны ихъ натуры. Художественная дѣятельность фантастична, тогда какъ научная—реальна; первая работаетъ надъ образами, вторая—надъ вещами; созерцательное, заключающееся въ первой, замѣняется во второй активною добродѣтелью. Толстой тоже мятежникъ и проповѣдуетъ возмущеніе; но какими средствами онъ пользуется? Отрицательной силой инерціи,

духовной силой любви. Онъ совѣтуетъ и восхваляетъ простое пассивное противодѣйствіе, полагается на чистое моральное просвѣщеніе, дѣлаетъ изъ любви религію, всю религію, и, найдя ее въ первоначальномъ ученіи Христа, проповѣдуетъ возвращеніе христіанства къ прежней чистотѣ. Крапоткинъ находитъ, что чистота эта омрачилась, замутилась, потому что одной моральной добродѣтели недостаточно.

„Возьмите христіанскую мораль: какое другое ученіе могло бы поработить умы больше того, которое проповѣдуется отъ имени Распятаго Бога, и можетъ дѣйствовать со всей силой мистики, со всей поэзіей мученичества, со всѣмъ величіемъ прощенія палачамъ? И, несмотря на это, учрежденія оказались сильнѣе этой религіи: вскорѣ христіанство — возставшее противъ Рима императоровъ — было завоевано этимъ самымъ Римомъ; оно приняло его взгляды, обычаи и языкъ. Христіанская церковь сдѣлалась римскимъ правомъ и, какъ таковое, была въ исторіи союзницей государства, самымъ непримиримымъ врагомъ полукоммунистическихъ учрежденій, къ которымъ обратилось христіанство въ началѣ своего возникновенія“...

Поэтому, восхваляя чувственные факторы соціальной жизни, разсказывая съ большимъ сочувствіемъ, какъ Нирингъ, приписывавшій главное значеніе понудительнымъ факторамъ, принужденъ былъ вернуться къ своей *цѣли въ правѣ* и написать второй томъ ея, чтобы опредѣлить огромное значеніе чувствъ, значеніе долга, приводящаго къ добровольному отреченію, значеніе симпатіи, приводящей къ взаимной поддержкѣ, Крапоткинъ не особенно полагается на „прекрасныя страсти“ и настойчиво отвергаетъ всѣ системы, въ которыхъ отводится роль милосердію. Спасеніе, говоритъ онъ, заключается, напротивъ, въ силѣ. Современный соціальный строй есть результатъ борьбы между двумя классами, на которые раздѣляется родъ человѣческій: одинъ стремится установить свое господство надъ другимъ, другой стремится отъ него избавиться; если первый побѣждаетъ силой, то его силѣ нужно противопоставить другую, бо́льшую, способную побѣдить ее. „Свободы не даются, а берутся“. Рабство было уничтожено силой, „что гораздо болѣе существенно, чѣмъ уничтоженіе чего бы то ни было путемъ законовъ“. Всѣ права завоевывались послѣ упорной борьбы: „человѣкъ не имѣетъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя готовъ постоянно защищать съ оружіемъ въ рукахъ. Только сплотившись въ силу, способную диктовать нашу волю, мы достигнемъ того, что наши права будутъ уважаться. Постараемся сдѣлаться организованной силой, способной показать зубы, всякій разъ, какъ кто-нибудь попытается ограничить наше право: *будемъ сильны*“. Для того, чтобы говорить такъ, нужно чувствовать въ себѣ эту силу, стремящуюся перейти въ дѣйствіе, эту энергію, готовую вспыхнуть. Доказательствомъ этого являются его негодованіе противъ робости, противъ воспитанія, старающагося съ самыхъ первыхъ лѣтъ убить въ насъ духъ протеста и развить духъ подчиненія“. „Трусость ума“ для него великій врагъ, подводный камень, о который до сихъ поръ разбивались всѣ революціи. Человѣчеству недостаетъ „силы *хотѣнія*“, которая появилась бы отъ

„сознанія *возможности*“. Обращаясь къ молодымъ и изображая имъ соціальныя несправедливости, онъ осмѣиваетъ людей съ слабымъ характеромъ, которые передъ самыми возмутительными фактами только слабо вздыхаютъ; но полагается, напротивъ, на того, кто „человѣкъ“, на тѣхъ, у кого всякое чувство переходитъ въ волевой актъ, у которыхъ актъ и идея—одно и то же. „Самое главное—дѣйствовать. Распространять идеи перомъ и устами—хорошо, но этого недостаточно для ихъ торжества, если стремленія не подтверждаются, наглядно, въ жизни, *дѣйствіями, которыя представляли бы осуществленіе мысли*“.

Полагая свою вѣру въ дѣйствіи, онъ ищетъ союзницы въ наукѣ: внутренняя сила, живущая въ немъ, находитъ полное удовлетвореніе въ практическомъ дѣйствіи, послѣ того, какъ находила частичное удовлетвореніе въ научномъ изслѣдованіи. Сентиментальный анархистъ, въ духѣ Толстого, осмѣиваетъ науку, провозглашаетъ ея безсиліе; борющійся анархистъ ищетъ и полагаетъ въ ней основаніе для своей доктрины. Разница между ними, въ этомъ отношеніи, будетъ очевидна, если мы вспомнимъ, какъ Кропоткинъ, наблюдая происходившее среди финскихъ рабочихъ, и Толстой, разсказывая исторію войны съ французами, оба отрицали силу авторитета начальниковъ, утверждали мощь безыменныхъ и безформенныхъ массъ. Но тамъ, гдѣ интуиція художника осталась на степени интуиціи, проповѣдью, которой апостолъ затѣмъ довольствуется, не углубляя ее, ученый, наоборотъ, искалъ въ біологической наукѣ основаніе для своихъ концепцій, развилъ ихъ методически и возвелъ въ цѣлую систему.

Біологія научила его, что всякій индивидуумъ, растеніе или животное, есть федерація органовъ, изъ коихъ каждый состоитъ изъ колоній клѣточекъ, въ свою очередь представляющихъ колонію меньшихъ элементовъ. Самъ по себѣ, этотъ способъ воображать строеніе индивидуума не оправдываетъ ни сторонниковъ автономіи, ни сторонниковъ власти; или скорѣе, оба могли бы воспользоваться имъ, толкуя факты въ смыслѣ своего инстинкта. Властный человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ бы сказать, что, если особь есть совокупность органовъ, а органъ — совокупность клѣтокъ, клѣтка же—совокупность молекулъ, то послѣдовательное раздѣленіе и подраздѣленіе того, что кажется однимъ, привело бы къ распаденію всякаго единства, къ постоянному дробленію и полному уничтоженію, если бы не существовало, именно, силы сцѣпленія, закона соединенія и необходимости централизаціи. Толкованіе автономиста совершенно иное. Онъ признаетъ, конечно, что между органами индивидуума, клѣтками органа и атомами клѣтки существуетъ тѣсное соединеніе, но будетъ утверждать, что оно не таково, чтобы уничтожить независимость. Аггрегація не представится ему, какъ нѣчто неподвижное; наоборотъ, она будетъ для него символомъ „ассоціаціи“. Въ глазахъ тѣхъ, которые толкуютъ сложность каждой отдѣльной жизни въ смыслѣ децентрализаціи, прежде всего нужно добиться блага „каждой частицы живой матеріи“; при обезпеченіи его, будетъ обезпечено и благо цѣлаго; тогда какъ въ глазахъ сторонниковъ централизаціи, напротивъ, нужно подчинять счастье частей счастью цѣлаго.

И „цѣлая революція“, дѣйствительно, „происходитъ въ философіи жизни“ съ измѣненіемъ толкованія фактовъ. Распространенное на психологію, понятіе ассоціаціи приводитъ къ отрицанію существованія, или же къ радикальному измѣненію идеи о душѣ. Послѣдняя не является уже „нераздѣльной сущностью“, а результатомъ множества отдѣльныхъ свойствъ и независимыхъ способностей, „связанныхъ между собою“, конечно, „для воздѣйствія одной на другія“, но тѣмъ не менѣе живущихъ „собственной жизнью, безъ подчиненія какому-либо центральному органу“. Распространенное на соціологію, это понятіе влечетъ за собой еще болѣе важныя измѣненія. Если въ физіологіи и психологіи совокупности, результаты, суммы„ интегралы“ не имѣютъ уже такого же значенія, какъ составляющіе ихъ безконечно малые элементы, тѣмъ болѣе то же произойдетъ и въ соціологіи. Физическая и психическая жизнь индивидуума можетъ разлагаться на жизнь его элементовъ, развѣ только отвлеченно, единство въ немъ конкретно, такъ сильно и очевидно, что самое названіе его, индивидуумъ,—*недѣлимый*, опредѣляетъ его. Общество не индивидуально, оно даже раздѣльно въ своихъ отдѣльныхъ членахъ; и здѣсь, совершенно обратно, автономія является конкретнымъ фактомъ, а единство—абстракціей. Руки, зубы, языкъ не могутъ стать противъ желудка; и если, какъ сдѣлалъ Мененій Агриппа, изъ этого факта извлекается апологія, то умѣстность ея оспаривается и всегда можетъ оспариваться. Въ то время, какъ сторонники власти будутъ говорить, что коллективное единство можетъ получаться только путемъ крѣпкихъ узъ, способныхъ побѣдить инстинктъ автономіи, который привелъ бы къ несвязности; автономисты, напротивъ, скажутъ, что этого нѣтъ, не должно и не можетъ быть аггрегацій, управляемыхъ строгими и ненарушимыми законами. Та же идея о законѣ будетъ, если не уничтожена, то несомнѣнно измѣнена до такой степени, что станетъ неузнаваемой. Какъ нѣтъ нераздѣльныхъ сущностей, такъ нѣтъ и незыблемыхъ законовъ; то что въ мірѣ природы называется закономъ, представляетъ только соотношеніе извѣстныхъ явленій, подмѣченное нами, и всякій законъ пріобрѣтаетъ условный характеръ причинности; т.-е. *„если* такое-то явленіе произойдетъ при такихъ-то условіяхъ, то за нимъ послѣдуетъ такое-то другое. Нѣтъ законовъ внѣ явленій: самое явленіе, а уже не законъ, управляетъ послѣдующимъ явленіемъ. Въ томъ, что мы называемъ гармоніей природы нѣтъ ничего предустановленнаго. Смѣны столкновеній и случайностей достаточно, чтобы установить это. Такое-то явленіе продолжится вѣка, потому что оно есть результатъ приспособленія и равновѣсія, для установленія котораго понадобились вѣка; тогда какъ другое продолжится едва одно мгновеніе, если эта форма мгновеннаго равновѣсія родилась въ одно мгновеніе... Гармонія является, такимъ образомъ, временнымъ равновѣсіемъ, установившимся между всѣми силами, какъ подготовительное приспособленіе, которое продолжится только при условіи постояннаго измѣненія, представляя въ каждый моментъ равнодѣйствующую всѣхъ противоположныхъ факторовъ. *Разнообразіе и самая борьба—жизнь, однообразіе—смерть*“.

Человѣкъ, отрицающій законы, признаетъ, такимъ образомъ,

по крайней мѣрѣ, одинъ, именно, тотъ, который соотвѣтствуетъ его внутренней природѣ, его индивидуальности, формѣ его ума: законъ постояннаго измѣненія, неустойчиваго равновѣсія. Мы можемъ прибавить: эволюціи, постепеннаго формированія? Это концепціи философскаго, спекулятивнаго ума; онѣ ведутъ къ детерминизму, къ фатализму; въ дѣятельномъ умѣ, въ человѣкѣ, способномъ къ поступкамъ и нуждающемся въ нихъ, эволюція и формированіе понимаются не какъ нѣчто пріустановленное или неизбѣжное; воля дѣйственна, она не ждетъ, не можетъ ждать. Если даже, для нѣкоторыхъ, вѣра въ эволюцію сочетается съ вѣрой въ волю, если даже они допускаютъ участіе людей въ эволюціонномъ процессѣ, если признаютъ, что его можно подготовить и ему содѣйствовать, то сильныя и пылкія натуры не подчиняются медленности этого процесса. Крапоткинъ признаетъ, что среди людей съ независимымъ характеромъ, для которыхъ инертность не является высшимъ идеаломъ, у него много друзей: но онъ знаетъ, что они совѣтуютъ не заходить слишкомъ далеко, потому что человѣчество мѣняется не въ одинъ день. Эта осторожность для него невыносима; ей онъ приписываетъ неудачу всѣхъ революцій, происходившихъ въ теченіе вѣковъ: въ день новаго, грядущаго соціальнаго переворота нужно будетъ опасаться, именно, того, чтобы не сдѣлать слишкомъ мало, не дѣйствовать полумѣрами, не остановить революціоннаго порыва. „Смѣлость, смѣлость и еще смѣлость!—повторяетъ онъ съ Дантономъ, откинувъ то, что Дантонъ былъ сторонникомъ сильной власти, якобинцемъ,—смѣлость ума, главнымъ образомъ, за которой не замедлитъ послѣдовать и смѣлость воли". Пытливому, оригинальному, борющемуся въ противорѣчіяхъ, неукротимому уму революція представляется не простымъ уничтоженіемъ системы: „Это пробужденіе людского ума, удвоенный, удесятеренный духъ изобрѣтательности... это революція болѣе въ умахъ, нежели въ учрежденіяхъ".

Мы видѣли, что въ Крапоткинѣ человѣкъ науки и человѣкъ поступковъ протянули другъ другу руку, что первый подготовилъ второго, а второй согласовался съ первымъ. Теперь мы видимъ ихъ несогласными, или лучше сказать, между ними заключено особаго рода соглашеніе, которое показалось бы a priori невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не долженъ ли бы ученый быть осторожнымъ, терпѣливымъ, какъ экспериментаторъ въ своей лабораторіи, и не долженъ ли бы онъ считать невозможнымъ какое-либо открытіе или изобрѣтеніе безъ самой внимательной, самой тщательной подготовки?

Таковъ, дѣйствительно, образъ мыслей типичнаго ученаго: но въ жизни *типы* измѣняются и разлагаются на отдѣльные *случаи*, и случай Крапоткина именно и замѣчателенъ своей своеобразностью. Уже тотъ фактъ, что онъ предался наукамъ, въ коихъ непосредственное наблюденіе важнѣе кропотливаго анализа, показываетъ особыя свойства его нетерпѣливаго и пылкаго ума; организованный такимъ образомъ умъ ищетъ затѣмъ и находитъ то, что оправдываетъ и узаконяетъ его собственныя качества. Развѣ столько драгоцѣнныхъ открытій не были дѣломъ случая, внезапнаго вдохновенія. Развѣ столько изумительныхъ изобрѣтеній не

были совершены безъ всякой подготовки, подъ давленіемъ потребности?

Кропотливыя изысканія часто не удаются, „тогда какъ самой простой догадки, исходящей изъ другого мозга, менѣе поглощеннаго основной идеей, иногда достаточно, чтобы подвинуть изобрѣтеніе и ввести его въ практику“. Свобода ума, для ума свободнаго, какъ его, будетъ необходимымъ и достаточнымъ условіемъ для достиженія лучшихъ результатовъ. „Для того, чтобы благопріятствовать генію открытій, прежде всего иного нужно пробужденіе мысли, смѣлость концепціи, подавленію которой содѣйствуетъ все наше воспитаніе; наука разбрасываемая полными горстями, чтобы умножить число искателей; наконецъ сознаніе того, что родъ человѣческій сдѣлаетъ шагъ впередъ, потому что восторженное стремленіе къ лучшему, иногда иллюзія добра, вдохновляли всѣхъ великихъ благодѣтелей“. И теплота чувства, такимъ образомъ, заставляетъ его приписывать чувству такое большое значеніе, пожалуй, даже больше, чѣмъ изученію, размышленію, а съ другой стороны, инстинктъ свободы заставляетъ его восхвалять сильную иниціативу и предпочитать спеціализаціи немногихъ усидчивыхъ ученыхъ умноженіе числа изслѣдователей.

Понятіе о спеціализаціи, о раздѣленіи труда ему противно. Дѣлать одну вещь, всегда и только ее одну—условіе превосходства по мнѣнію другихъ, иначе устроенныхъ мозговъ—для врага однообразія значитъ лишить себя плодотворной силы. Врагъ авторитета не можетъ допустить, чтобы кто-нибудь пріобрѣлъ его—а какой авторитетъ былъ бы законнѣе авторитета, достигнутаго посредствомъ превосходства, основаннаго на знаніи и поддерживаемаго умѣніемъ? Чувствительный человѣкъ, наконецъ, признавао даже раздѣленіе труда постояннымъ принципомъ, коему слѣдуетъ природа во всѣхъ своихъ процессахъ, не примирился бы съ распространеніемъ его на человѣческое общество, видя, что тѣ, которые постоянно дѣлаютъ одно и то же, превращаются въ автоматовъ и страдаютъ физически и морально. Поэтому онъ желаетъ разнообразія занятій. Люди, въ ихъ цѣломъ, обладаютъ всѣми способностями; если тѣ или другіе опредѣленные люди пріобрѣтаютъ нѣкоторыя спеціальныя способности, то цѣнность ихъ совершенно относительно и зависитъ строго отъ ихъ положенія въ средѣ имъ подобныхъ; безконечный рядъ исчезнувшихъ поколѣній содѣйствовалъ ихъ образованію. Заслуга принадлежитъ не столько индивидуумамъ, столько всему роду. Властный индивидуализмъ Карлейля различаетъ касту рѣдкихъ умовъ, обладающихъ божественными міровыми идеями, и которыхъ поэтому надлежитъ чтить. Анархическій индивидуализмъ Крапоткина утверждаетъ, что великія идеи исходятъ „изъ сердца народа, и являются плодомъ коллективнаго ума“, а не „мыслей философа, индивида“. Великая истина заключается, поэтому, въ томъ, что „ничто хорошее и прочное не дѣлается безъ посредства свободной иниціативы народа“. Народъ надѣленъ не только многими моральными добродѣтелями, какъ терпѣніемъ, довѣріемъ, великодушіемъ, героической и возвышенной преданностью; онъ „Великій Незнакомецъ“, главнымъ образомъ потому, что обладаетъ „изумительнымъ духомъ самопроиз-

вольной организаціи". Праздное и пагубное дѣло затѣваютъ тѣ, кто предполагаютъ представлять, замѣнять и дисциплинировать его. Всѣ правительства, считая и революціонныя, вредны; новая общественная форма, прекрасная, настоящая, не можетъ быть выработана нѣсколькими или многими индивидами. Самое понятіе анархіи и коммунизма обязано своимъ происхожденіемъ не какому-нибудь философскому уму, спекулирующему въ тиши кабинета; если бы это было такъ, оно осталось бы безъ отклика; наоборотъ оно родилось „изъ самаго нутра народа", оно „откровеніе медленной эволюціи", происходившей въ умахъ. Выработка новыхъ соціальныхъ формъ „можетъ быть сдѣлана лишь при посредствѣ коллективной работы массъ"; для того, чтобы, разрѣшить эту сложнѣйшую задачу, „требуется подвижность коллективнаго ума страны". Рѣшеніе не будетъ навязано и путемъ законодательства „Повидимому, наши общества не понимаютъ, что можно жить иначе, чѣмъ подъ режимомъ законовъ, выработанныхъ представительнымъ правительствомъ и примѣняемыхъ кучкой правителей; и когда имъ удается избавиться отъ этого ярма, первая ихъ забота сводится къ тому, чтобы поскорѣе снова надѣть его". Нетерпимый къ законамъ, онъ отрицаетъ ихъ, сводитъ къ коварному механизму. Первоначально, говоритъ онъ, отношенія между людями регулировались простыми обычаями, привычками, которые вслѣдствіе постояннаго повторенія, становились почтенными и, пріобрѣтались всѣми съ дѣтства, какъ усваивалось умѣніе доставать пищу съ охотой, скотоводствомъ и земледѣліемъ".

Но отношенія эти, зависящія отъ инстинкта общественности, „не установлены закономъ, произошли раньше всякихъ законовъ. Они не предписываются даже религіей: они произошли ранѣе всякой религіи, и встрѣчаются даже среди животныхъ, живущихъ обществами. Они развиваются сами собой, въ силу самихъ вещей, какъ тѣ привычки, которыя человѣкъ называетъ инстинктомъ у животныхъ". Пока инстинкты измѣняются въ обычаи—это возвышеніе, прогрессъ; бѣда начинается тогда, когда, развившись въ особый инстинктъ навязывать свою волю другимъ и въ жадность захватывать продуктъ чужого труда, этотъ инстинктъ, эта потребность и страсть превращаются въ законы, хитростью и силой навязываемые немногими большинству. Новая задача состоитъ, значитъ, въ уничтоженіи ихъ одного за другимъ; такъ что, вмѣстѣ съ Боклемъ, Крапоткинъ находитъ, что „лучшіе законы тѣ, которые уничтожаютъ предыдущіе". Законы будутъ замѣнены „общимъ соглашеніемъ", взаимнымъ и быстрымъ пониманіемъ, опредѣляемымъ общностью интересовъ, солидарностью. Солидарность будетъ именно основой общества и коррективомъ индивидуализма „Свобода, равенство, братство" гласилъ прежній лозунгъ; Крапоткинъ замѣняетъ „братство" „солидарностью", разныя слова, за которыми стоятъ и разныя идеи. Солидарность есть нѣчто болѣе сильное и стойкое чѣмъ братство. Послѣднее есть привязанность, которая можетъ быть заглушена, побѣждена, уничтожена: развѣ не извѣстны случаи, что братья ненавидятъ другъ друга и другъ съ другомъ враждуютъ, и развѣ исторія человѣческаго рода по древнему преданію, не начинается именно съ братоубійства. Стоитъ

ли, поэтому считать всѣхъ людей братьями, въ фигуральномъ смыслѣ, если настоящіе братья могутъ быть врагами? Говорить же, что люди солидарны не есть реторическая фигура, распространеніе слова: какъ существуетъ солидарность физическая, органическое отношеніе между элементами каждаго живого организма, такъ, въ моральномъ отношеніи, фактъ этотъ выражается въ чувствѣ, связывающимъ индивиды обществ. Солидарность всѣхъ умѣряется свободой каждаго; и эти свободныя и въ то же время солидарныя существа, слѣдовательно, равны. Если бы они были неравны, то болѣе сильные навязали бы свою волю болѣе слабымъ, солидарность и свобода исчезли бы, и родились бы господство и подчиненіе. Полное равенство и взаимная солидарность измѣняютъ по необходимому слѣдствію критерій справедливости. Для умовъ, чуждыхъ такихъ мыслей, справедливо, чтобы каждому дано было по дѣламъ его, чтобы награды были пропорціональны заслугамъ. Эта оцѣнка заслугъ, которая должна бы быть регулирующимъ критеріемъ при назначеніи вознагражденій, становится, если допустить солидарность и равенство, невозможной. Въ томъ, что кажется исключительнымъ продуктомъ труда одного индивида, заключается результатъ труда всѣхъ, того, что сдѣлано въ теченіе вѣковъ и дѣлается въ настоящее время во всемъ мірѣ всѣмъ человѣчествомъ. Такова запутанность и сложность отношеній, что обычные критеріи мѣры обманчивы. Нельзя сказать, что продуктъ двухчасовой работы стоитъ вдвое больше часового, нельзя сказать, что труды инженера какого-нибудь рудника стоятъ больше трудовъ рабочихъ, занятыхъ извлеченіемъ или перевозкой минерала, и уголь, полученный такимъ образомъ есть продуктъ не исключительно ихъ работы, но и тѣхъ, которые строили желѣзныя и обыкновенныя дороги ведущія къ руднику, тѣхъ, которые обрабатывали желѣзо, дерево, дѣлали машины, сѣяли хлѣбъ. „Не можетъ быть сдѣлано никакого различія въ дѣлахъ каждаго. Кто изъ насъ можетъ претендовать на большее вознагражденіе за свои труды? Врачъ ли, угадавшій болѣзни, или сидѣлка, обезпечившая выздоровленіе своимъ уходомъ? Изобрѣтатель ли локомотива, или рабочій внушившій замѣнить деревянными шпалами камни, бывшіе нѣкоторое время причиной соскакиванія съ рельсъ вслѣдствіе недостатка упругости? или механикъ, управляющій паровозомъ? или человѣкъ, сигналами останавливающій поѣзда? или стрѣлочникъ, переводящій ихъ и закрывающій путь?“...

Всѣ дѣла равноцѣнны; всѣ, принимающіе какое-либо участіе въ производствѣ, имѣютъ одинаковое право на удовлетвореніе и всѣхъ своихъ потребностей. Разность удовлетвореній, въ силу невѣрныхъ и обманчивыхъ критеріевъ пропорціональности, не только не справедлива, но и въ высшей степени несправедлива. Самая идея о томъ, чтобы давать только для того, чтобы получать, противорѣчитъ фактамъ. „Общества людей не прожили бы двухъ поколѣній подрядъ, исчезли бы въ пятьдесятъ лѣтъ, если бы каждый не давалъ безконечно больше того, что долженъ бы получить въ вознагражденіе деньгами, рабочими квитанціями или общественными наградами. Родъ прекратился бы, если бы мать не рисковала своей жизнью, для сохраненія жизни дѣтей, если бы каждый чело-

вѣкъ не давалъ чего-нибудь, не считая, если бы, въ частности, не давалъ, не ожидая никакой награды...“

Крапоткинъ, дѣйствительно, и поступалъ такъ, побуждаемый внутренними и внѣшними обстоятельствами. Дворянинъ, богачъ, солдатъ, путешественникъ, ученый отказался отъ матеріальныхъ и моральныхъ удовлетвореній, которыя могъ бы получать; онъ отдалъ самую свободу личности, которая такъ для него была дорога, и даже безопасность жизни, чтобы распространять то, что считалъ спасительной истиной. Въ мнѣніе свое, основанное на чувствѣ, онъ вложилъ всю силу своего ума. Онъ подыскивалъ всѣ аргументы, благопріятные для усвоенной истины, которой онъ себя посвятилъ, и не умолчалъ о внутреннихъ противорѣчіяхъ ея. Онъ, напримѣръ, допустилъ эгоизмъ, даже въ самыхъ грубыхъ его формахъ. Игнорировать его было бы слѣпотой, отрицать его означало бы фанатизмъ. Но приписывать ему такое же значеніе, какъ альтруизму, ставить между обоими знакъ равенства и не дѣлать между ними выбора—было бы нерѣшительностью и маніей сомнѣнія; переходить отъ одного мнѣнія къ другому было бы диллетантизмомъ; признавать законность обоихъ означало бы скептицизмъ. Сильный умъ нуждается въ проявленіи собственной энергіи и лучше всего можетъ проявлять ее, выбирая среди различныхъ мнѣній то, къ которому склоняется его природа, и превращая его въ вѣрованіе. Онъ можетъ справедливо обвинять въ слабости и безсиліи того, кто не выбираетъ, кто не способенъ выбирать; но скептикъ, критикъ, въ свою очередь, можетъ уличить въ противорѣчіи вѣрующаго, не слѣпого и не фанатичнаго.

Отъ вѣры въ солидарность, въ равенство и равноцѣнность людей Крапоткинъ ожидаетъ благополучія будущаго; но какъ возможно питать эту надежду, даже твердую увѣренность, если ничего хорошаго никогда до сихъ поръ не было достигнуто? Можно отрицать прогрессъ, подобно пессимистамъ; но, если допустить его, онъ не можетъ пониматься, какъ нѣчто, начинающееся въ извѣстномъ пунктѣ и кончающееся въ другомъ; онъ долженъ даже разсматриваться какъ врожденная, присущая, неразрушимая тенденція, которая можетъ встрѣчать препятствія въ теченіе нѣкотораго времени, но которая дѣйствуетъ всегда, даже когда наиболѣе встрѣчаетъ противодѣйствія. Но если, послѣ столь длиннаго пути, человѣчество находится на томъ же самомъ первоначальномъ пунктѣ, если измѣнились „только формы“, то какъ и почему прогрессъ, улучшеніе и совершенствованіе будутъ достигаться впослѣдствіи? Если достигались или завоевывались права, ранѣе не существовавшія, можно и должно вѣрить, что будутъ пріобрѣтены или вырваны и другія дальнѣйшія; но если настоящія условія повторяютъ, подъ различными формами, старыя условія, то и будущія будутъ повтореніемъ настоящихъ. Дѣйствительно, Крапоткинъ думаетъ, что прогрессъ совершился; но, если бы онъ допускалъ это всецѣло, онъ долженъ бы также признавать, что онъ совершался съ великой медленностью, и что, слѣдовательно, и послѣдующій будетъ совершаться медленно. А форма его ума такова, что не позволяетъ ему ждать, довольствоваться, покоряться. Тѣмъ не менѣе, сказавъ, что идея анархизма есть откровеніе „медленной“ эволюціи, не при-

зналъ ли онъ ясно медленность эволюціоннаго процесса? У него будутъ вырываться безсознательно и другія признанія.

Всѣ революціи, безъ исключенія, говоритъ онъ, были неудачны, потому что, едва падало одно правительство, какъ тотчасъ же его замѣняло другое, а всякое правительство, всякая власть ведетъ къ самоуправству. Надѣяться на *революціонное правительство* и даже говорить о немъ—абсурдъ, ибо оба слова взаимно противорѣчатъ одно другому и другъ друга уничтожаютъ. Революція, по его мнѣнію, не есть нѣчто такое, что можетъ когда-либо закончиться: это не *фактъ*, а условіе, постоянное предрасположеніе умовъ, благодаря которому не должно существовать ничего предусмотрѣннаго, ничего предустановленнаго, но каждая вещь можетъ измѣниться въ любой моментъ. Соціальный распорядокъ не можетъ, по мнѣнію анархиста, регулироваться, дисциплинироваться или просто поддерживаться никакой матеріальной или моральной властью: онъ долженъ зависѣть отъ согласія воль, постоянно готоваго измѣниться. Но если, исходя изъ этой концепціи, понятіе о *революціонномъ правительствѣ* заключаетъ въ себѣ противорѣчіе въ терминахъ, то нѣтъ ли такого же противорѣчія и въ понятіи объ *анархической организаціи?* Крапоткинъ говоритъ, что не слѣдуетъ полагаться ни на какую форму правленія „для дѣла реорганизаціи“, которое должно наступить за разрушеніемъ, что въ первый день грядущей революціи нужно будетъ „немедленно организоваться“, что, „уничтоживъ режимъ частной собственности“, потребуется „организоваться въ анархическія коммуны“, и что анархія, и по мнѣнію его противниковъ, „идеалъ политической организаціи“. Но, какъ правительство „не можетъ быть“ революціоннымъ, потому что правительство есть „синонимъ порядка“, а революція—„безпорядка“, такъ и анархія не можетъ быть организована, ибо организованность есть синонимъ упорядоченности, а порядокъ, правительство, законъ—враги анархизма. Тотъ фактъ, что система законовъ разрушенная яростью революціи, каждый разъ поспѣшно замѣнялась другой, не указываетъ Крапоткину роковой неизбѣжности этого явленія, не приводитъ его къ признанію того, что это происходитъ „въ силу самихъ вещей“, имъ же самимъ признаваемой и восхваляемой при образованіи „почтенныхъ“ привычекъ. Суровый авторитетъ законовъ онъ замѣняетъ самопроизвольнымъ и перемѣнчивымъ соглашеніемъ, неустойчивымъ равновѣсіемъ, и даже не неустойчивымъ, но безразличнымъ, подобнымъ тому, которое механика приписываетъ шару, готовому перемѣщаться во всѣхъ направленіяхъ отъ самаго легкаго толчка, даннаго ему съ какой-нибудь стороны. Таково же и нравственное состояніе анархиста, человѣка жаждущаго свободы, нетерпящаго узъ, всегда готоваго повернуться въ сторону, къ которой его толкаютъ малѣйшія опредѣленія воли, и разрушать едва построенное имъ, какъ только оно уже не удовлетворяетъ или тормозитъ его; анархистъ—поклонникъ, слѣдовательно, „инстинкта разрушенія, столь естественнаго и справедливаго, потому что является и инстинктомъ обновленія“. Итакъ, очевидно, что общество, состоящее изъ подобныхъ людей, не могло бы подчиниться никакому порядку, потому что ни отъ кого не потерпѣло бы приказаній.

Въ понятіи Кропоткина, толпа, предоставленная самой себѣ проявила бы свою чудесную способность мгновеннаго приспособленія и свободнаго управленія всѣми своими интересами. Однако, критикуя представительную систему, онъ говоритъ, что она не достигла цѣли—замѣны правленія одного правленіемъ цѣлаго класса, ибо, вслѣдствіе невозможности довѣрить управленіе безчисленными дѣлами парламентарной толкучкѣ, появилась необходимость въ исполнительной власти. Но если парламентъ, т. е. собраніе нѣсколькихъ сотъ лицъ, есть толкучка, неспособная управлять общественными дѣлами, то какъ можно ожидать, чтобы эта способность оказалась у толпы гражданъ?.. Слова Руссо о томъ, что для того чтобы всѣ отказались отъ своихъ правъ и ввѣрили бы ихъ правителямъ, нужно, чтобы послѣдніе были ангелами, сверхчеловѣческими существами, представляются Крапоткину одними „изъ самыхъ глубокихъ" словъ этого философа; но развѣ сверхчеловѣческія способности, которыми должны бы обладать правители, чтобы управлять хорошо, не столь же необходимы и всѣмъ людямъ, когда имъ приходится управлять собой безъ посредниковъ? И если ими не обладаютъ нѣкоторые, избранные на основаніи болѣе или менѣе вѣрныхъ критеріевъ, изъ толпы, то будетъ ли ими обладать сама толпа? Вдаваясь въ детали анархизма, онъ говоритъ, что граждане добровольно раздѣлятъ между собой общественныя обязанности и будутъ поэтому называться волонтерами: будутъ волонтеры въ торговлѣ, въ ремеслахъ и т. д. Но если онъ рѣзко критикуетъ соціалистовъ, по ученію которыхъ всѣмъ придется быть „чиновниками" — слово, найденное, говоритъ онъ, „чтобы позолотить пилюлю",— то не есть ли слово *волонтеръ, въ свою очередь, приманка, лесть, разъ граждане не свободны не желать совершать неотложныхъ обязанностей, въ виду необходимости ихъ?* Анархисты и соціалисты, согласные въ критикѣ и ненависти къ современному общественному строю, глубоко расходятся, и даже діаметрально противоложны въ изображеніи новаго, лучшаго, совершеннаго строя. Ибо, тамъ, гдѣ соціалисты хотятъ истиннаго порядка, крѣпкой связи, анархисты, наоборотъ, находятъ противной и несносной всякую дисциплину. И Крапоткинъ говоритъ, что всѣ попытки свободныхъ общинъ рушились до сихъ поръ потому, что основатели коммунистическихъ колоній могли, правда, гарантировать каждому изъ членовъ пищу и уничтожить въ воспитаніи все, что могло развивать отдѣльныя индивидуальности, однако, индивидуальные вкусы прокладывали себѣ дорогу вмѣстѣ съ всеобщимъ недовольствомъ". Соціализмъ, прибавляетъ онъ, повторилъ бы ту же ошибку, обязывая, напримѣръ, мать семейства брать въ общественномъ магазинѣ готовыя кушанья, когда она, можетъ, предпочла бы „сготовить ихъ въ *своей* кастрюлькѣ, на *своей* плитѣ".

Но, не являются ли, эти притяжательныя мѣстоименія, употребляемыя и подчеркиваемыя заклятымъ врагомъ собственности, выраженіемъ того же самого инстинкта собственности, коему онъ приписываетъ всѣ несчастья? И, разъ анархистъ защищаетъ такимъ образомъ родъ элементарнаго владѣнія, не слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что инстинктъ собственности есть форма болѣе

широкаго инстинкта свободы, которому онъ постоянно и преимущественно повинуется? Кто въ самомъ дѣлѣ, *кромѣ аскета* довольствуется и наслаждается тѣмъ, что ничего не имѣетъ? Аскетъ же—человѣкъ отказывающійся даже отъ своей воли и вручающій себя цѣликомъ волѣ божественной. Анархистъ типа Крапоткина—аскетъ въ отказѣ отъ удовольствій, въ сведеніи до минимума удовлетворенія своихъ аппетитовъ; но онъ налагаетъ на себя это умерщвленіе, чтобы подготовить, жертвуя своимъ личнымъ благомъ, равное и полное удовлетвореніе всѣхъ потребностей всѣхъ людей. Онъ знаетъ, что собственность увеличиваетъ свободу; онъ видѣлъ и призналъ это въ Финляндіи, когда, при видѣ несчастій крестьянина, почувствовалъ безполезность говорить ему объ усовершенствованіи земледѣлія: „Ему нужно, чтобы я жилъ съ нимъ, чтобы помочь ему сдѣлаться собственникомъ“. Но, такъ какъ большая свобода имущихъ нарушила бы свободу неимѣющихъ ничего, то онъ хочетъ, чтобы никто не владѣлъ ничѣмъ. Если бы всѣ могли имѣть, и въ равной степени, и не могли бы никогда лишиться своего имущества, то онъ не боролся бы противъ собственности; а такъ какъ это невозможно, такъ какъ неравенства неизбѣжны, онъ хочетъ, чтобы все принадлежало всѣмъ. Но будетъ ли равенство, недостижимое въ собственности, достигнуто въ общности? Если существуютъ между людьми прирожденныя неравенства, то не обнаружатся ли и не прорвутся ли они, какова бы ни была сила единообразнаго режима? Развѣ анархистъ не ненавидитъ именно однообразіе, какъ „смерть“? И стремясь къ равенству, надписывая слово это на первомъ мѣстѣ на своемъ знамени, онъ признаетъ въ то же время, что „люди не могутъ и не должны походить другъ на друга“ что „разнообразіе вкусовъ и склонностей есть главная гарантія прогресса человѣчества“, и что „всегда будутъ, и желательно, чтобы были мужчины и женщины съ потребностями выше среднихъ, во всѣхъ направленіяхъ“. Онъ, говорилъ, уже, что совершенныя дѣла, не могутъ браться, какъ мѣрило права на удовлетвореніе, потому что это повело бы къ неравенству. Но, если принять за мѣрило неравныя потребности, развѣ оно не осталось бы? При томъ положеніи, которымъ онъ восхищается, существовали бы, значитъ, несправедливости, и онъ признаетъ это; но гарантируетъ, что онѣ будутъ меньшими, и этого ему достаточно. Но будетъ ли этого достаточно для жертвъ будущихъ несправедливостей? И если онъ осуждаетъ современный строй за „печальное противорѣчіе между жизнью и идеаломъ“, то этотъ идеалъ справедливости, равенства, свободы, солидарности не будетъ достигнутъ и тогда. Противорѣчіе есть пагубная черта не современнаго только строя, но и всякаго человѣческаго строя; противорѣчитъ себѣ не одинъ Кропоткинъ, но и тѣ, кого онъ оспариваетъ. Только разные умы разнымъ образомъ и противорѣчатъ себѣ.

Когда Александръ II, освободитель крестьянъ, слишкомъ рано остановившійся на пути реформъ, палъ растерзанный бомбой на снѣгъ, обагряя его своей кровью, покинутый всѣми людьми своей свиты, кто бросился къ нему на помощь? Вмѣстѣ съ кадетами, возвращающимися съ парада,—поднимать упавшаго бросился—Емельяновъ, одинъ изъ тѣхъ же террористовъ, державшій еще подмыш-

кой другую бомбу, завернутую въ бумагу. „Человѣческая натура, говоритъ Крапоткинъ, полна такихъ противорѣчій“. Не служитъ ли примѣромъ этого и онъ самъ: чувствительный человѣкъ, не терпящій зла, и побуждаемый желѣзной волей внушать добро распространеніемъ ученія, послѣдователи коего, во имя любви къ человѣку, совершаютъ безчеловѣчныя преступленія?

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

10025

Поступили въ продажу слѣдующія изданія:

1. Современное положеніе Россіи и дружба Франціи . . . . 8 к.

2. **Ушаковъ.** Къ вопросу о соціализаціи земли. . . . . 5 „

3. **Лафаргъ.** Причины вѣры въ бога въ соврем. кл. общества 10 „

4. **Де Роберти.** Петръ Кропоткинъ . . . . . 10 к.

Изданія можно получать:

въ **С.-Петербургѣ**:—Кн. складъ **Соловьевой-Никольской**, Троицкая, 3.
„ Книжный магазинъ „**Трудъ**“, Невскій пр., 60.
„ Книжный магазинъ „**Наша Жизнь**“, Невскій, 19.
Москвѣ:—Складъ **Путиловой**, Арбатъ 17.
кн. магаз. **Думнова**.

Электропечатня Я. Левенштейнъ Екатерингоф. пр. 10—19.

4 Сен 1954